

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА

№ 2 / 2019

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ. Зарегистрировано в Госкомпечати. Рег. ПИ № ФС77-29362 от 23 августа 2007 г.

Учредитель: Издательская группа «Юрист»

Редакционный совет:

Баранов В.М., доктор юридических наук, профессор,
Белов С.А., кандидат юридических наук, доцент,
Блажеев В.В., кандидат юридических наук, профессор,
Бублик В.А., доктор юридических наук, профессор,
Голиченков А.К., доктор юридических наук, профессор,
Перевалов В.Д., доктор юридических наук, профессор,
Калининченко И.А., кандидат педагогических наук, профессор,
Капустин А.Я., доктор юридических наук, профессор,
Кропачев Н.М., доктор юридических наук, профессор,
Курилов В.И., доктор юридических наук, профессор,
Суровов С.Б., доктор социологических наук, профессор,
Шевелева Н.А., доктор юридических наук, профессор,
Шишко И.В., доктор юридических наук, профессор

Главные редактора журнала:

Антонян Е.А., доктор юридических наук, профессор,
Цареградская Ю.К., доктор юридических наук, доцент

Почётный научный редактор журнала:

Мацкевич И.М., доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала:

Шенгелиа Г.А.

Рецензенты журнала:

Антонян Е.А., Барков А.В., Дикарев И.С., Дробышевский С.А.,
Ильин А.В., Кабанова И.Е., Мацкевич И.М., Нарутто С.В.,
Петров М.П., Смирнов Д.А., Субботин В.Н., Цареградская Ю.К.,
Шевелева Н.А., Шенгелиа Г.А., Шишко И.В., Шугрина Е.С.

Главный редактор ИГ «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

ИГ «Юрист»:

Бабкин А.И., Белых В.С., Ренов Э.Н.,
Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

**Журнал рекомендуется Высшей аттестационной комиссией
Министерства образования и науки Российской Федерации
для публикаций основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.**

СТАТЬЯ НОМЕРА

Волков К.А. Профорориентационная работа
и практикоориентированное обучение школьников
как фактор подготовки кадров для судебной системы..... 3

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

Автономов А.С., Гаврилова И.Н.
Мониторинг прав человека как научная основа
их оценки: критерии, показатели, индикаторы 6

ДИСКУССИОННАЯ АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ТРИБУНА

Россинский С.Б. Основания задержания
подозреваемого: для следователя
или для «полиции»?..... 15

Горшенин А.А. Анализ юридической природы
условного осуждения 28

Зиновьева Н.С. Криптографическая информация
в системе криминалистических знаний 31

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА ИСТОРИИ ПРАВА

Назаренко Н.И. Формирование основ
судебно-процессуального законодательства
с участием иностранного субъекта
в Великом Новгороде (XII–XV вв.) 35

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Соколова Т.Л. Правовое регулирование
в сфере среднего профессионального образования
в России на рубеже XIX–XX вв.
(историко-правовой аспект)..... 42

Требования к авторам журнала

**«Юридическое образование и наука»
по оформлению научных статей»..... 48**

Плата с авторов за публикацию статей
не взимается.

Центр редакционной подписки:

Тел./факс: (495) 617-18-88.

Адрес редакции / издателя:

115035, Москва, Космодамианская наб.,
д. 26/55, стр. 7.
Тел./факс: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Отпечатано в типографии
«Национальная полиграфическая группа».
248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.
Тел.: (4842) 70-03-37.

Формат 60x90/8.
Печать офсетная.
Физ. печ. л. 6,0.
Усл. печ. л. 6,0.
Общий тираж 2000 экз.

Полная или частичная перепечатка
материалов без письменного разрешения
редакции преследуется по закону.
Подписка по России:
Каталог «Роспечать» – инд. 47641,
«Объединенный каталог.
Пресса России» – 91914.
ISSN 1813-1190
Подписано в печать 29.01.2019.
Номер вышел в свет 27.02.2019.

LEGAL EDUCATION AND SCIENCE

No. 2 / 2019

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL. REGISTERED AT THE STATE PRESS COMMITTEE. Registration PI No. FC77-29362 August 23, 2007.

Founder: Jurist Publishing Group

Editorial Board:

Baranov V.M., doctor of law, professor,
Belov S.A., candidate of law, associate professor,
Blazheev V.V., candidate of law, professor,
Bublik V.A., doctor of law, professor,
Golichenkov A.K., doctor of law, professor,
Perevalov V.D., doctor of law, professor,
Kalinichenko I.A., candidate of pedagogical sciences, professor,
Kapustin A.Ya., doctor of law, professor,
Kropachev N.M., doctor of law, professor,
Kurilov V.I., doctor of law, professor,
Surovov S.B., doctor of sociological sciences, professor,
Sheveleva N.A., doctor of law, professor,
Shishko I.V., doctor of law, professor

Editors in Chief:

Antonyan E.A., doctor of law, professor,
Tsaregradskaya Ju.K., doctor of law, associate professor

Honorary Scientific Editor of the Journal:

Matskevich I.M., doctor of law, professor

Executive Editor of the Journal: Shengelya G.A.

Reviewers of the journal:

Antonyan E.A., Barkov A.V., Dikarev I.S., Drobyshevsky S.A.,
Ilyin A.V., Kabanova I.E., Matskevich I.M., Narutto S.V., Petrov M.P.,
Smirnov D.A., Subbotin V.N., Tsaregradskaya Ju.K.,
Sheveleva N.A., Shengelya G.A., Shishko I.V., Shugrina E.S.

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., doctor of law, professor

Deputy Editors in Chief of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I., Bely'kh V.S., Renov E'.N.,
Platonova O.F., Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of juridical sciences

**Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science
of the Russian Federation for publications of results
of doctoral and candidate theses.**

ARTICLE OF THE ISSUE

Volkov K.A. Career Guidance and Practice-Oriented
Education of School Children as a Factor
of Staff Training for the Judicial System..... 3

STATE LAW DISCUSSION TRIBUNE

Avtonomov A.S., Gavrilova I.N.
Monitoring of Human Rights as a Scientific Basis
for Their Evaluation: Criteria, Ratios, Indices..... 6

ANTI-CRIME DISCUSSION TRIBUNE

Rossinskiy S.B. Grounds for Suspect Detention:
For an Investigator or for Police? 15
Gorshenin A.A. An Analysis of the Legal Nature
of Probation 28
Zinovyeva N.S. Cryptographic Information
in the System of Criminalistic Knowledge 31

LAW HISTORY DISCUSSION TRIBUNE

Nazarenko N.I. Establishment of Bases of Judicial
Procedure Laws Involving a Foreign Subject
in Veliky Novgorod (the XII to the XV Century)..... 35

LEGAL RESEARCH DISCUSSION TRIBUNE

Sokolova T.L. Legal Regulation of Secondary
Professional Education in Russia at the Turn
of the XX Century (a Historical and Legal Aspect)..... 42

**Requirements for the authors
of the Legal Education and Science journal
for formatting of scientific articles** 48

Authors shall not pay for publication
of their articles.

Editorial Subscription Centre:

Tel./fax: (495) 617-18-88.

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
Tel./fax: (495) 953-91-08.
E-mail: avtor@lawinfo.ru

Printed by National Polygraphic Group Ltd.

Bldg. 2, street Svetlaya,

Kaluga, 248031.

Tel.: (4842) 70-03-37.

Size 60x90/8. Offset printing.

Printer's sheet 6,0.

Conventional printing sheet 6,0.

Circulation 2000 copies.

Complete or partial reproduction
of materials without written permission
of the editorial office shall be prosecuted
in accordance with law.
Subscription in Russia:
Rospechat' — 47641,
Unified Catalogue. Russian Press — 91914.
ISSN 1813-1190
Signed for printing 29.01.2019.
Issue was published 27.02.2019.

DOI : 10.18572/1813-1190-2019-2-3-5

Профориентационная работа и практикоориентированное обучение школьников как фактор подготовки кадров для судебной системы

Волков К.А.*

Цель. Анализ профориентационной работы и практикоориентированного обучения, связанных с подготовкой специалистов для судебной системы. На основе проведенного исследования подготовить обзор и анализ основных методик активных форм практикоориентированного обучения, используемых в процессе учебной и методической работы с учащимися среднеобразовательных школ. **Методология:** диалектика, анализ, синтез, демонстрационная. **Выводы.** В статье обоснована необходимость проведения профориентационной работы и практикоориентированного обучения при осуществлении подготовки кадров для судебной системы. Проанализирована организация такого обучения Дальневосточным филиалом Российской государственной академии правосудия совместно с Российским объединением судей в Хабаровском крае. Отмечены проблемы и методы учебно-методического обеспечения профориентационной работы будущих юристов судебной системы. Предложены основные направления совершенствования организации практикоориентированного обучения. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование может быть полезно преподавателям юридических вузов, обучающим студентов для работы в органах судебной власти, а также тем, кому небезразлична подготовка юристов.

Ключевые слова: профориентационная работа, практикоориентированное обучение, подготовка кадров для судебной системы, юридическое образование.

Career Guidance and Practice-Oriented Education of School Children as a Factor of Staff Training for the Judicial System

Volkov K.A.**

Purpose. The analysis of career guidance and practice-oriented education related to staff training for the judicial system. Use of the carried-out research as a basis for preparation of a review and an analysis of the main methods of active forms of practice-oriented education used in the course of academic and methodological work with students of secondary schools. **Methodology:** dialectics, analysis, synthesis, demonstration. **Conclusions.** The article justifies the need for career guidance and practice-oriented education in carrying out of staff training for the judicial system. The author analyzed arrangement of such education by the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice together with the Russian Association of Judges in the Khabarovsk Territory. Issues and methods of academic and methodological support of career guidance for future lawyers of the judicial system are singled out. The main areas of improvement of the arrangement of practice-oriented education are proposed. **Scientific and practical significance.** The carried out research may be of use for lecturers of legal higher educational institutions training students to work in judicial authorities and people who are not indifferent to the lawyer training.

Keywords: career guidance, practice-oriented education, staff training for the judicial system, legal education.

Коренные преобразования социально-экономической, политической, правовой и культурной жизни России в конце прошлого века обусловили необходимость проведения судебно-правовой реформы, одним из важных направлений преобразований которой стало повышение качества кадров судебной системы, формирование не только «достаточного судейского корпуса, но и культивирование его корпоративной этики»¹. Для реализация основного направления Концепции судебной реформы

возникла потребность создания специализированного учебного заведения для подготовки высококвалифицированных специалистов для судебной системы, в котором на основе специальных программ осуществлялись первоначальная подготовка вновь назначенных судей, систематическое повышение квалификации действующих судей и работников аппарата суда Российской Федерации.

На основании Указа Президента РФ от 11 мая 1998 г. № 528 «О Российской академии правосудия» и Постановления Правительства РФ от 28 октября 1999 г. № 1199 «О Российской академии правосудия» образовано Государственное образовательное учреждение высше-

¹ Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44. Ст. 1435.

* **ВОЛКОВ КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ**, директор Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент, volkovka@mail.ru

** **VOLKOV KONSTANTIN A.**, Director of the Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

го профессионального образования «Российская академия правосудия» с передачей выполнения функций учредителей Верховному Суду РФ и Высшему Арбитражному Суду РФ. Устав Академии зарегистрирован в органах юстиции 14 декабря 1999 г. С 2014 г. Российская академия правосудия переименована в Российский государственный университет правосудия (далее — РГУП).

Реализация образовательных целей Университета выявила потребность создания филиалов, которые должны быть приближены к судам в центрах федеральных округов. Такой филиал Приказом Верховного Суда РФ от 29 января 2002 г. № 1 создан на Дальнем Востоке.

Для ведущего юридического вуза страны 20 лет — возраст «юношеский», вместе с тем определенные достижения Университета правосудия можно обозначить уже сейчас. В стенах Российского государственного университета правосудия обучается более 23 тыс. студентов как в Москве, так и в его 11 филиалах России (Воронеж, Иркутск, Казань, Краснодар, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Симферополь, Томск, Хабаровск, Челябинск). Ежегодно в Университете проходят курсы повышения квалификации более 5000 слушателей судебной системы РФ. В числе преподавателей Университета значительное число составляют представители судебной системы, органов государственной власти, а также известные юристы, экономисты и научные работники международного уровня (в том числе действующие судьи).

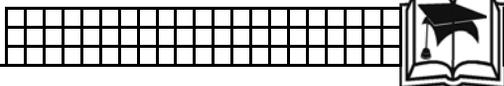
С самого начала ректор Университета доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ В.В. Ершов и руководство Дальневосточного филиала РГУП стремятся организовать на Дальнем Востоке подготовку востребованных специалистов для судебной системы. Учебный процесс в университете обеспечивает высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав, а материально-техническое и учебно-методическое обеспечение образовательной деятельности соответствует требованиям лицензионных нормативов. В филиале реализуются планы повышения квалификации государственных служащих аппарата федеральных судов общей юрисдикции и управлений Судебного департамента Дальневосточного региона

Концепция Университета основана на непрерывном специализированном обучении, которое начинается в наиболее раннем возрасте, является специализированным, обязательным, регулярным (один раз в три года), продолжается в течение всей профессиональной деятельности, основанной на фундаментальных и прикладных научных исследованиях². С целью закрепления и расширения приобретенных теоретических и практических знаний по юридиче-

ским дисциплинам, а также с целью развития практических навыков для студентов проводятся учебно-ознакомительная, производственная и преддипломная практика. Местами прохождения практики с учетом специфики подготовки выпускников и выбранных тем магистерских диссертаций в основном являются суды, что позволяет студентам Дальневосточного филиала Университета получать необходимые практические знания непосредственно по ведению судебного процесса и подготовке процессуальных документов, с разных сторон изучать работу судебной системы.

Важный фактор, значительно влияющий на уровень осуществления правосудия, — профориентационная работа и практикоориентированное обучение. Связь теории права и практики его применения обеспечивают прежде всего федеральные судьи Хабаровского краевого суда, Арбитражного суда Дальневосточного округа, Арбитражного суда Хабаровского края, иных судов, а также профессорско-преподавательский состав (многие из которых судьи в почетной отставке). С осени 2017 г. Дальневосточный филиал РГУП подписал соглашение о сотрудничестве и осуществляет активную работу в системе профориентационной работы с Российским объединением судей в Хабаровском крае. Так, на базе филиала Университета организовано проведение открытых практико-ориентированных лекций для учеников 9–11-х классов муниципальных общеобразовательных учреждений и студентов ссузов и вузов о роли судебной власти в современном обществе. Основными целями открытых лекций являются: развитие правового государства в Российской Федерации; расширение представлений учащихся о роли судебной власти в современном обществе; культурно-просветительская деятельность, направленная на правовое просвещение граждан и преодоление правового нигилизма в обществе; профориентационное просвещение школьников и студентов; знакомство с особенностями судебной системы и деятельности судей и государственных служащих судебной системы; формирование положительной мотивации к профессии работника судебной системы (подготовка «резерва судебной системы»); формирование положительного общественного мнения о судебной системе; развитие и укрепление сотрудничества между судебским сообществом и институтами гражданского общества.

В период с 2017 по 2018 г. слушателями открытых практико-ориентированных лекций стало около 2000 учащихся. В рамках реализации проекта были прочитана серия лекций о роли судебной власти в современном обществе по следующим темам: «Судебная власть и судебная система Российской Федерации: история и современность» (К.А. Волков, судья в отставке); «Вопросы судебной практики защиты прав несовершеннолетних» (В.В. Трегубенко, Уполномоченный по правам ребенка в Хабаровском крае); «Влияние внутреннего убеждения на формирование

судебной практики» (О.В. Герасимова, судья Хабаровского краевого суда, и О.В. Корицкая О.В., председатель Нанайского районного суда Хабаровского края); «Особенности подготовки специалистов для судебной системы» (В.В. Ершов, ректор РГУП, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, судья в отставке); «Сметная казнь за и против» (Е.В. Арцева, судья Хабаровского краевого суда, и К.А. Волков, судья в отставке); «Эксперт по уголовным делам: особенности профессиональной деятельности» (О.И. Уложенко, старший эксперт экспертно-криминалистического отдела СУ СК по Хабаровскому краю, Е.В. Волкова, главный эксперт отдела фоноскопических экспертиз ЭКЦУ МВД России по Хабаровскому краю); «Особенности профессиональной деятельности прокурора» (К.Н. Осипчук, прокурор г. Хабаровска); «Военные суды: история и современность» (С.Н. Андриенко, председатель Восточного окружного военного суда); «25 лет Конституции РФ: уроки истории и современность» (С.И. Дорожко, судья Хабаровского краевого суда, О.В. Корицкая, председатель Кировского районного суда г. Хабаровска). Кроме того, в рамках проекта проведены выездные практико-ориентированные лекции в Амурской области (г. Благовещенск) и Приморском крае (г. Лесозаводск).

В целях определения познавательного интереса современного молодого человека к проблемам судебной власти, проведен опрос в форме анкетирования около 100 учащихся, посетивших данные мероприятия. Цель опроса: выявить наиболее востребованные направления последующих бесед о роли судебной власти. Результаты исследования показали, что наибольший интерес у учащихся вызывают следующие темы: смертная казнь: за и против; домашнее насилие; справедливость и закон; пробелы в праве и пути их устранения; особенности профессиональной деятельности следователя; следственная и судебная ошибка; необходимая оборона и условия ее правомерности; особенности профессиональной деятельности адвоката; особенности профессиональной деятельности эксперта по уголовным делам; суд присяжных: за и против; мировой судья и особенности профессиональной деятельности. Данная тематика обязательно учитывается организаторами мероприятий в процессе проведения последующих практико-ориентированных лекций.

Следует отметить, что организаторы лекций стараются отойти от традиционного академического подхода в подаче материала, когда знания передаются от преподавателя к обучаемым в готовом виде. Опыт проведения практико-ориентированных лекций свидетельствует, что наиболее приемлемой формой участия субъектов образовательного процесса выступает интерактивный метод обучения, когда получение представления о роли суда в современном обществе происходит посредством совместной работы участников познавательного процесса.

В связи с этим Дальневосточный филиал РГУП и Российское объединение судей в Хабаровском крае разработали и представили в марте 2018 г. проект «Живые уроки правосудия». Данный проект направлен на расширение круга правовых знаний и повышение правовой грамотности, формирование высокого уровня правосознания и гражданской активности, привитие навыков правового поведения, демонстрацию потенциала юридической профессии, формирование основ правовой культуры. Учащимся предлагается стать участником ознакомительной лекции в стенах одного из судов Хабаровского края. Занятия проводят действующие федеральные судьи и судьи в почетной отставке. Участие в проекте позволило школьникам, ориентированным в дальнейшем на получение высшего профессионального юридического образования, приобрести навыки правового поведения, познакомиться с основами образовательной деятельности в высшем учебном заведении, учредителем которого является Верховный Суд РФ. Первыми судьями, которые посетили учащиеся в рамках проекта «Живые уроки правосудия», стали Хабаровский районный суд Хабаровского края и Центральный районный суд г. Хабаровска.

Таким образом, высокая практическая и педагогическая квалификация профессорско-преподавательского состава Университета в целом и Дальневосточного филиала в частности позволяет обеспечивать надлежащий уровень специализированного образовательного процесса как на факультетах повышения квалификации и переподготовки судей, работников аппаратов судов, так и в рамках вузовской и довузовской подготовки юристов для судебной системы.

Литература

1. Ершов В.В. Десять лет Российской академии правосудия / В.В. Ершов // Российское правосудие. Спецвыпуск. 10 лет Российской Академии Правосудия. М. : Юрист. С. 3–4.

References

1. Ershov V.V. Desyat let Rossiyskoy akademii pravosudiya [Ten Years of the Russian Academy of Justice] / V.V. Ershov // Rossiyskoe pravosudie. Spetsvy'pusk. 10 let Rossiyskoy Akademii Pravosudiya. Moskva : Yurist — Russian Justice. Special Edition. 10 Years of the Russian Academy of Justice. Moscow : Lawyer. S. 3–4.

DOI : 10.18572/1813-1190-2019-2-6-15

Мониторинг прав человека как научная основа их оценки: критерии, показатели, индикаторы

Автономов А.С., Гаврилова И.Н.*

Цель. Проблема оценки правовых явлений (институтов), к которым относятся и права человека, требует разработки качественных измерителей. Ситуация с правами человека, а также ее изменение (улучшение/ухудшение) оценивается обычно по высказываемым мнениям, т.е. приблизительно, на глазок. В статье на примере права на доступ к образованию показано научно обоснованное количественное выражение качественных измерителей прав человека, чему можно обучать юристов при подготовке оценщиков прав человека. **Методология:** диалектика, правовая герменевтика, структурно-функциональный анализ, системология, дескрипция. **Выводы.** Оценка прав человека в ходе мониторинга может производиться по семи предложенным в статье критериям с использованием выраженных численно и отражающих объективное положение показателей и установлением также выраженных численно индикаторов. **Научная и практическая значимость.** В статье поднимаются проблемы разработки и использования научно-объективного метода оценки прав человека с использованием формализованных измерителей и предлагаются решения данных проблем. Вместе с тем в статье предлагается адаптация указанного метода к практике проведения мониторинга прав человека, например, федеральным и региональными уполномоченными прав человека.

Ключевые слова: права человека и гражданина, мониторинг, шкала показателей, доступ к образованию.

Monitoring of Human Rights as a Scientific Basis for Their Evaluation: Criteria, Ratios, Indices

Avtonomov A.S., Gavrilova I.N.**

Purpose. The problem of assessment of legal phenomena (institutions), which include human rights, requires the development of qualitative measurement. The situation in the field of human rights, as well as its evolution (improvement/deterioration), is usually assessed on the basis of opinions expressed, i.e. approximately "by eye". The article on the example of the right of an access to education shows the evidence-based quantitative expression of qualitative measurements of human rights, which can be used for lawyers' training in the education of human rights appraisers. **Methodology:** dialectics, legal hermeneutics, structural and functional analysis, systemology, descriptive method. **Conclusions.** Human rights evaluation in the course of monitoring can be carried out according to seven criteria suggested in the article, with the use of numerically expressed parameters reflecting the objective situation, and by the establishment of also expressed numerically specific indicators. **Scientific and practical significance.** The article raises the problems of the elaboration and use of scientifically objective method of human rights assessment using formalized measurements and offers solutions to these problems. At the same time, the article authors suggest adapting this method to the practice of human rights monitoring, using as an example monitoring provided by Federal and regional human rights commissioners.

Keywords: human and civil rights, monitoring, index scale, access to education.

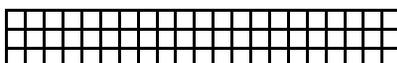
В современной России не стали, как представляется, приоритетными или хотя бы часто используемыми в работе государственных органов ни оценка, ни мониторинг, ни научно обоснованные выводы на их основе, в том числе в отношении прав человека. Хотя отечественный и мировой опыт показывает практическую пользу от них, поскольку их применение позволяет проверить эффективность и соответствие насущным нуждам имеющихся и принимаемых решений и действий. Однако и в юридической науке эти понятия не до конца из-

учены и осмысленны. А ведь вслед за научной разработкой должно происходить и внедрение их в практику. Надо сказать, правда, что порой практика опережает теорию, и это относится к правам человека, в частности. Так, еще в 2011 г. была предпринята попытка внедрения элементов научно обоснованной независимой оценки состояния прав человека в работу уполномоченных по правам человека сначала в ряде пилотных регионов, затем и в других регионах страны, о чем еще будет сказано.

* **АВТНОМОВ АЛЕКСЕЙ СТАНИСЛАВОВИЧ**, адвокат, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, доктор юридических наук, a.s.avtonomov@yandex.ru

ГАВРИЛОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА, член правления некоммерческого партнерства «Российское правотворческое общество», доктор исторических наук, gavrilova-sovet@yandex.ru

** **AVTONOMOV ALEKSEY S.**, Attorney, Professor of the A.S. Griboedov University of International Law and Economics, Doctor of Law
GAVRILOVA IRINA N., Member of the Board of Non-Commercial Partnership Russian Law-Making Society, Doctor of History

Обратим внимание на то, что деятельность любого уполномоченного по правам человека на федеральном и региональном уровне в России, как и аналогичных органов в зарубежных странах, при определенном различии полномочий, установленных законодательством, посвящена решению сходных задач. Уполномоченными рассматриваются индивидуальные случаи нарушения прав человека на основе обращений или по инициативе самого уполномоченного, ведется мониторинг прав человека, по итогам которого дается общая оценка. Сами по себе индивидуальные случаи нарушения прав человека, как правило, являются весьма показательными, но в целом картина состояния прав человека может быть представлена лишь в результате регулярного проведения мониторинга, в котором находят место в обобщенном виде и индивидуальные случаи. Известно ведь, что в частном проявляется общее. В этой связи деятельность омбудсменов представляется чрезвычайно полезной.

Понимание ситуации с соблюдением прав человека в конкретном государстве или входящей в состав государства территориальной единице важно для его безопасности и нормального развития, а потому необходима выработка ряда объективных критериев, индикаторов, показателей, соответствующих тем целям, которые ставит перед собой данное государство и к которым оно стремится. Получение адекватной оценки состояния прав человека — дело не только крайне важное, но и сложное. Главная сложность состоит в создании надежной системы координат, способной помочь сориентироваться в многочисленных, порой довольно противоречивых трактовках и суждениях по правам человека. Действительно, даже экспертные мнения о состоянии прав человека обычно существенно разнятся между собой, что связано с различиями в источниках информации, особенностями сбора данных, опорой, прежде всего, на собственный опыт, не всегда позволяющий охватить весь спектр прав человека в многообразных ситуациях. Проблема заключается в выстраивании системы таких координат, которые бы позволили дать оценку состояния прав человека, опирающуюся на определенные критерии, которые вырабатываются в качестве общего направления самого оценивания того или иного явления, причем они не должны зависеть от позиций и отношения к явлению самого участника мониторинга. Эти критерии позволяют сформировать шкалу показателей, на которой отмечаются индикаторы, отражающую состояние того или иного явления, в частности ситуации с правами человека.

Как представляется, соответствующую шкалу вполне логично использовать в мониторинге прав человека. Вообще мониторинг выступает в качестве достаточно надежного инструмента получения и анализа правовой и иной информации о состоянии конкретного предмета наблюдения, нацеливая на поиск оптимальных путей по улучшению

ситуации с правами человека. Мониторинг прав человека, согласно одному из многочисленных определений, представляет собой запланированное, систематизированное, проводимое по принятой схеме исследование выбранного участка общественной действительности с целью достижения изменений без применения насилия¹.

Но прежде стоит немного коснуться терминологии. Так, слово «мониторинг» пришло в европейские языки из латыни (*monēre*, т.е. предупреждать), в русском языке имеет несколько значений, однако в приложении к социальной проблематике мониторинг можно определить как систематический сбор, фиксирование, хранение и исследование ключевых данных о параметрах состояния осуществляемого социального проекта. В ходе мониторинга постоянно на регулярной основе собираются данные, которые позволяют отслеживать происходящие процессы, устанавливать изменения состояния системы, которая преобразуется благодаря реализации социального проекта и пр.², но также и в результате спонтанных изменений, происходящих в системе вследствие действия разнообразных внутренних и внешних факторов (как в случае прав человека). Любые изменения, зафиксированные в ходе мониторинга, для рационального их осмысления предполагают измерения, для которых необходим соответствующий инструментарий. Элементами такого измерительного инструментария выступают критерии, показатели, индикаторы.

Критерий представляет собой основание, признак вынесения суждения о соответствии чего-либо предъявляемым требованиям. Таким образом, критерий является мерилем, измерителем что-либо (слово заимствовано из древнегреческого языка *κρίτήριον* — в переводе «способность различения», «средство суждения», «мерило»). Показатели, в свою очередь, — это те единицы, которыми измеряется что-либо. Другими словами, измерение производится в единицах, которые именуются показателями. Индикатором же является такой показатель, пересечение которого свидетельствует о переходе в новое качество, своего рода сигнал (зачастую, устанавливая индикатор, не показывают его численного значения, это делается в тех случаях, когда для наблюдателя важно обнаружить именно момент перехода наблюдаемого объекта в другое качество). То есть индикатор символизирует собой границу перехода из одного качественного состояния в другое. Так, индикаторами служат такие численные значения показателя, при достижении которых изменяется качество

¹ Великоредчанина С. Мониторинг прав человека (на основе материалов Центра прав человека университета Ноттингема (ЦПЧ) и Хельсинкского фонда прав человека в Варшаве (ХФПЧ)) // URL: http://hro-uz.narod.ru/unknown_parameter_value_2.html

² См. подр.: Автономов А.С., Хананашвили Н.Л. Мониторинг в оценке социальных проектов / под ред. А.С. Автономова. М.: Нац. ассоциация благотворительных орг., 2017.

измеряемого (к примеру, 0 °С служит индикатором перехода воды из жидкого состояния в твердое). Благодаря данному инструментарию, основанному на выборе критериев, установлении показателей и определении индикаторов, можно в конечном счете проследить наиболее острые проблемы, связанные с правами человека, причем, как полагаем, на более объективной основе.

Следует обратить внимание, что существенное влияние на восприятие прав и свобод человека, как и в целом на развитие общества, качество населения, оказывает государственная политика. Как показывает опыт многих стран, «нации, характеризующиеся высоким равенством в доходах, имеют более здоровых и образованных граждан, чем общества, находящиеся на том же уровне развития экономики, но с меньшим равенством»³. Общеизвестно также, что осуществление как негативных, так и позитивных гражданских прав и свобод каждого человека является обязанностью государства, которое должно активно действовать, исполняя определенные обязательства, среди которых и обеспечение свободного доступа к инфраструктуре, дающей возможности для достойной жизни и развития граждан, и создание условий за счет общественного перераспределения средств для свободного и активного участия граждан в жизни общества и демократических процессах, и организация экономики, в рамках которой работники наемного труда могли бы сохранить свои демократические организации, представляющие их интересы. Таким образом, проблематика оценки реализации прав и свобод человека не исчерпывается вопросами конкретных инструментов, включая мониторинг, и выходит далеко за его рамки. Помимо этого, мониторинг позволяет дать некоторое представление, в каком направлении идет развитие того или иного явления/процесса, насколько оно отвечает запросам общества, что и актуализирует разработку системы показателей, которые и должны лечь в основу мониторингового исследования, в частности, по ситуации с правами человека в России.

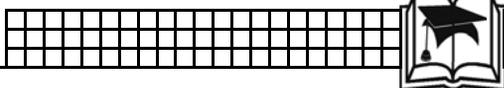
Стоит отметить также тот факт, насколько принципиально важным для мониторинга является правильный сбор вводимой информации: без нее даже самое лучшее обобщение и анализ не дадут верного результата, не говоря уже о том, что мониторинг предполагает постоянное отслеживание ситуации. Для сбора данных используют самые разнообразные методы, среди которых изучение документов, средств массовой информации, электронных ресурсов, калькуляция, визуальный осмотр, включенное наблюдение, беседа, анкетирование, интервью, в том числе углубленное интервью, фокус-группы, опрос, моделирование и др. Необходимо стремиться к полно-

те данных, позволяющих создать как можно более точное представление о предмете, для чего можно задействовать данные статистики, социологических опросов, нормативные акты, заключения официальных лиц и экспертов, результаты собственных наблюдений, калькуляций, промеров, иные сведения. Кроме того, требуется пере-проверять полученную информацию путем сопоставления одних и тех же данных из разных источников: официальных, средств массовой информации, неправительственных организаций, экспертных оценок, результатов специальных исследований и т.д. Надо структурировать данные, почерпнутые из устных и письменных обращений граждан, которые затем обобщаются и анализируются. При этом важна, конечно же, сопоставимость получаемых в конечном итоге данных, преимущество в сборе определенных сведений, поскольку это является залогом добротного последующего анализа ситуации с правами человека в отдельном регионе, ее динамики.

Итак, мониторинг, как системное средство выявления ситуации с правами человека в конкретной стране, всегда был и остается важным направлением правозащитной деятельности. Верно построенная методика проведения мониторинга и грамотное ее применение обеспечивают адекватность полученных в результате ее использования оценок и, как следствие, позволяют проводить дальнейшую работу по совершенствованию деятельности в области прав человека. Вместе с тем и здесь есть свои подводные камни, в частности, стоит опасаться выхолащивания смысла подобных оценок, полученных на основе мониторинга. Мониторинг предполагает постоянную, проводимую на регулярной основе деятельность, поддерживающую в рабочем состоянии процедуры отслеживания ситуации с правами человека. Иллюзорным можно сделать все, например, тот же общественный контроль, о котором в последнее время стало модно говорить. Дело в том, что в России по-прежнему довлеет мнение, что создание институтов само по себе способно решить все проблемы. Однако пора отдавать себе отчет, что для того, чтобы институты действовали должным образом, приходится постоянно поддерживать их работу, перепроверять, налаживать, искать более действенные механизмы и формы. Это трудоемкая, кропотливая работа, причем находящаяся в зоне ответственности всех общественных секторов человеческой деятельности, прежде всего государства.

Тем не менее прояснить, как обстоят дела с соблюдением прав человека, насколько остра та или иная проблема в том или ином регионе, можно различными способами. Но наиболее предпочтительны те из них, что будут наиболее объективными, следовательно, формализованными. Вообще не первый год перед учеными и практиками стоит «задача создания суммарных индексов», хотя до сих пор «слишком многие методологические и субстанциональные проблемы в связи с разработкой индек-

³ Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем: эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования : учеб. пособие / пер. с англ. М. : ИНФРА-М: Весь мир, 2000. С. 278.

сов... остаются не вполне решенными»⁴. Именно поэтому в свое время Уполномоченным по правам человека в РФ было предложено применять методiku оценки ситуации с правами человека на основе шкалы, позволяющей качественные показатели прав человека дать в количественном выражении⁵. Такая шкала строится по единой системе на основе семи критериев: 1) степень информационной доступности для граждан того или иного права; 2) степень институциональной доступности; 3) степень субъективной доступности права; 4) степень территориальной доступности; 5) степень инфраструктурной доступности; 6) степень финансовой доступности; 7) степень бихевиориальной доступности того или иного права.

Причем необходимо формулировать вопросы по позициям максимально просто, чтобы на выходе было меньше ошибок при заполнении баллов в шкале, для этого же используется двоичная система подсчета баллов (0–1; либо изредка троичная — 0–1–2). В рамках каждого критерия разрабатываются показатели, позволяющие выставить баллы, обычно 0 или 1, где 0 означает ответ «нет» или отсутствие какого-то из элементов предложенной выборки, 1 — ответ «да», наличие чего-либо. Выбирая один из вариантов ответов и, соответственно, присваивая один из баллов, можно получить максимально возможное число набранных баллов. Однако количество баллов будет по каждому критерию и по каждому праву свое, в зависимости от шкалы, которая получается индивидуальной для каждого права и каждого критерия. Это дает возможность более гибко подходить к оценке того или иного права в конкретном регионе, с другой стороны, позволяет ему иметь подспорье — структурированную версию шкалы оценки.

При построении шкал оценки тех или иных прав человека должны учитываться основные позиции, представляющие ту или иную степень угроз для соблюдения этих прав. Как представляется, степень субъективной доступности права является ключевым элементом, поэтому даже единичные случаи жалоб на нарушение данного принципа надо рассматривать в качестве исключительного явления. Среди других позиций отметим бихевиориальную доступность права, которая, как видно из ее названия, базируется на поведенческих факторах и установках личности, отражая отношение граждан: доверие или недоверие к тем

или иным институтам и конкретным организациям, удовлетворенность либо неудовлетворенность работой тех или иных институтов, которые в своей совокупности косвенно влияют на решение человека использовать или нет свое право. Ряд позиций в шкале, например по территориальной доступности, вполне устойчивы и служат скорее для выявления проблемы в целом, другие, напротив, весьма динамичны. Некоторые вопросы могут показаться на первый взгляд незначительными (например, наличие питьевой воды в судах для права на доступ к правосудию), но на самом деле из таких мелочей состоит многое, да и не покажется это мелочью, если учесть долгое порой ожидание людей в очередях в районных и других судах, что связано в данном случае с реализацией права на доступ к суду. Таким образом, вопросы, поставленные в шкалу для выяснения ситуации с соблюдением прав человека, должны показать, что хорошо, а что не очень, что надо решать оперативно, а что предстоит осуществить в последующем. Так или иначе, они должны отразить, насколько реально доступно для человека то или иное право, что и станет ключом к решению проблем.

На основе итоговой шкалы оценки, обобщающей все семь критериев (чем больше баллов набрано, тем лучше), можно не только в некотором приближении представить ситуацию с соблюдением какого-либо права в конкретном регионе, но и провести сравнительный анализ по стране, а впоследствии проследить эволюцию такой ситуации. Кроме того, обобщения и сопоставления должны упростить и в то же время приблизить к жизни разработку рекомендаций по устранению конкретных недостатков, обнаруженных в ходе такого обобщения и последующего анализа полученных данных. А после подсчета набранных баллов появляется возможность провести дополнительное графирование результатов по семи означенным выше критериям, в котором в соответствии с определенными индикаторами будет идти распределение итогов по следующим позициям: А) ситуация критическая; В) ситуация, требующая корректировки; С) ситуация нормальная или терпимая. Таким образом, авторская методика также предполагает итоговый подсчет всех баллов по семи выделенным критериям, т.е. можно подсчитать итоговую шкалу, исходя из максимального числа баллов, рассчитанных по выбранным показателям. И уже на самой шкале выявляются индикаторы, демонстрирующие, насколько состояние в области прав человека плохое или удовлетворительное, удовлетворительное или хорошее.

Кроме того, можно предложить в дальнейшем вывести в ходе мониторинга также общую интегрированную оценку соблюдения прав человека, что в прикладном плане может быть весьма полезно и уж точно наглядно. Однако получение полноценной интегрированной оценки возможно на основе качественного анализа, что до насто-

⁴ Нолль Х.-Г. Исследование социальных показателей и мониторинг: методы измерения и анализ качества жизни // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива / под ред. В. Воронкова, М. Соколова. СПб. : Алетейя, 2008. С. 70.

⁵ Автономов А.С., Гаврилова И.Н. Критерии оценки прав человека для Уполномоченных по правам человека: методические рекомендации по мониторингу прав человека на доступ к суду на митинг и на доступ к образованию. М. : Юрист, 2011.

ящего времени пока остается довольно редким подходом в аналитике. Но это вопрос ближайшего будущего; ясно, что предложенная шкала индексов вполне может лечь в основу такой оценки, поскольку тоже должна быть формализованной. Конечно, помимо мониторинга имеются и другие подходы. К примеру, для более тонкого анализа сложившейся ситуации можно проводить дополнительные специальные исследования (анкетирование, углубленное интервьюирование), по итогам которых рассчитываются интегрированные показатели — специальные индексы, отражающие в максимально обобщенном виде ситуацию с соблюдением тех или иных прав человека.

Обобщенные показатели состояния прав человека, вероятно, будут нести на себе определенные отпечатки субъективности ввиду того, что обобщать будет человек, исходя из своих убеждений и представлений о должном. Тем не менее придется искать такие подходы, которые должны будут помочь выработать критерии, позволяющие переводить данные о состоянии прав человека в численные выражения, неизбежно более объективные и независимые. Естественно, признавая, что абсолютной объективности достичь практически невозможно, однако приблизиться можно, будем исходить из постулата постепенного приближения к истине. Но вопрос в том, какие именно критерии взять за основу, чтобы потом установить приложимые к ним показатели, проводить подсчеты и пр. Как представляется, наиболее важной в данной сфере является социальная справедливость. Точнее, оценка большинством населения общего соответствия/несоответствия развития страны социальной справедливости, поскольку известно, что общество в целом всегда обладает общим пониманием/восприятием, насколько оно справедливо либо несправедливо. Вопросы социальной справедливости, в том числе социальной политики государства, актуальны всегда⁶. Когда же такого общего видения социальной справедливости нет, отсутствует общественный консенсус, то это уже вопрос безопасности государства (крайним проявлением этого противоречия выступает уже гражданская война).

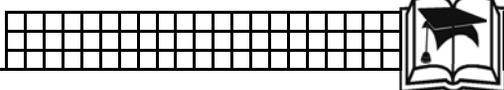
Конечно, выявить такую общую интегрированную оценку тенденции развития государства непросто. Однако подобные замеры уже проводились путем, прежде всего, социологических опросов, экспертных оценок и т.п. Хотя проблема, на наш взгляд, заключается не только в получении наиболее выверенных данных в этом плане, но и во взвешенной оценке полученных результатов таких опросов, далеко не всегда можно согласиться с выводами по итогам проводившихся исследований. И вот здесь нам может помочь вышерассмотренная шкала показателей с установленными на них индикаторами по до-

ступности тех или иных прав человека, позволяющая посмотреть на ситуацию с правами человека в отдельном регионе или конкретной стране с менее субъективной позиции, опираясь на численные данные, полученные в ходе мониторинга.

При этом необходимо обратить особое внимание на изучение в ходе мониторинга такого важного качественного показателя, отражающего состояние прав человека, как нередко фиксируемая в нашей стране формалистичность подхода к обеспечению прав человека, что наиболее ярко находит свое отражение в часто встречающихся отписках на заявления и жалобы граждан (даже при соблюдении формы и срока ответов на них), в том числе при осуществлении самых разных прав. На это имеется немало нареканий граждан. Но анализ этого также, в свою очередь, предполагает необходимость проведения специальных обследований и замеров, впрочем, также требующих оценки на основе объективных критериев. При этом недостаточно будет только отметить тенденцию, например, роста количества жалоб на нарушение того или иного права: вполне возможна ситуация, когда жалоб очень много, но их доля остается стабильно высокой или даже немного сокращается за рассматриваемый год, что не снижает тем не менее остроты рассматриваемой проблемы в целом. Более того, полученные шкалы в регионах по конкретным правам человека и должны показать тенденции роста или, напротив, снижения нарушений по отдельным позициям, т.е. динамику ситуации с правами человека. Но если в течение года, предусмотренного на мониторинг по шкале оценки, прослеживается тенденция роста недовольства с соблюдением какого-либо права, то на это необходимо, безусловно, обращать особое внимание, возможно, принимать экстренные меры по защите тех или иных прав и свобод человека. Оценка ситуации с правами человека на местах дает возможность не только получить более точный и детальный срез положения дел в области прав человека, но и найти алгоритм решения конкретных проблем, что также дает основания говорить об устойчивости результатов мониторинга оценки соблюдения прав человека в стране.

Используя предложенный принцип и механизм оценивания ситуации с соблюдением прав человека, можно «просчитать» положение дел в сфере самых разных прав человека, причем найти общую «линейку» для всех регионов страны, которые весьма различаются, как известно, причем освоить методику мониторинга в сфере прав человека без проведения обязательных, весьма затратных и не всегда точных социологических опросов. Последние тоже необходимы, но они в данном случае выступают подспорьем в оценке ситуации с правами человека. Более того, мониторинг с использованием шкалы оценки, дополненный в том числе обобщенными оценками, дает

⁶ См. подр.: Социальная политика в контексте межсекторного взаимодействия / отв. ред. А.С. Автономов, И.Н. Гаврилова. М.: Изд-во Гл. архивного упр. г. Москвы, 2009. С. 13–54.

возможность более эффективно использовать полученные в ходе других специальных исследований результаты. В итоге шкала оценки, на основе которой можно выводить как показатели, так и индикаторы состояния прав человека в конкретном регионе, позволит перепроверить данные мониторинга, социологических обследований, став своего рода основой взаимной перепроверки достоверности полученных результатов. И такой подход позволит выработать действенные критерии оценки прав человека, к чему и необходимо стремиться во избежание неверных оценок и суждений.

Однако все познается и перепроверяется на практике, в связи с чем можно предложить рассмотреть для наглядности конкретную шкалу оценки на примере соблюдения права на образование в отдельном регионе страны. Проблема образования всегда приковывает к себе внимание, в последние годы приобрела у нас особую остроту в связи с непрекращающимся так называемым реформированием, далеко не всегда опирающимся на учет мнения россиян и даже профессионального сообщества. Данный пример взят для того, чтобы показать, что предложенная методика не есть нечто застывшее, хотя многие позиции сохраняются из года в год, шкала позволяет при необходимости гибко реагировать на меняющиеся условия, являясь в то же самое время своего рода ориентиром при оценке, что важно для правозащитной деятельности.

Для примера, авторы уже продемонстрировали, как подсчитывать с использованием шкалы баллы при оценке права на митинг, права на доступ к суду, права на образование⁷. Они также предлагали использовать предложенную методику мониторинга и оценки права на доступ к здравоохранению⁸. Обратим внимание на то, что, по данным опросов, проводимых Фондом общественного мнения⁹, среди прав, которые опрошенные считают наиболее важными для себя на протяжении последних двух лет, лидируют право на бесплатную медицинскую помощь (78% опрошенных 04.12.2016 и 10.06.2018) и право на бесплатное образование (60% опрошенных 04.12.2016 и 62% опрошенных 10.06.2018). При этом значение права на бесплатное образование, с точки зрения опрошенных, даже немного возросло. Поэтому в качестве примера рассмотрим методику оценки соблюдения права на доступ к образованию, несколько усовершенствовав шкалу, по сравнению с предложением 2011 г.

⁷ Автономов А.С., Гаврилова И.Н. Указ. соч.

⁸ См. подр.: Автономов А.С., Гаврилова И.Н. Методологические аспекты оценки прав человека в контексте их судебной защиты // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1 (92).

⁹ URL: <http://bd.fom.ru> (дата обращения: 30.11.2018).

ШКАЛА ОЦЕНКИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВА НА ДОСТУП К ОБРАЗОВАНИЮ

1. (Критерий) Степень информационной доступности образования

(по источникам информации выделены следующие позиции [выраженные в численных показателях — баллах]: доступна ли информация о возможностях получения образования для граждан, в том числе бесплатного, которую можно почерпнуть: 1) из радио- и телепрограмм, 2) печатных изданий, 3) электронных изданий и Интернета; по содержанию информации об образовании: 4) легко ли найти перечень и условия образовательных учреждений в регионе, в том числе по районам; 5) насколько просто найти список вышестоящих организаций и ведомств сферы образования регионального уровня с указанием адресов и телефонов, куда можно обратиться гражданам с жалобами или вопросами; 6) легко ли найти информацию о бюджетных местах в средних специальных и высших учебных заведениях; 7) носит ли открытый характер информация о наличии мест, стоимости и возможности получения банковского кредита в сфере платного образования; 8) имеется ли открытая информация о льготах для поступления в те или иные общеобразовательные учреждения и в доступной ли для понимания форме изложена эта информация; 9) доступна ли информация о дошкольном и дополнительном образовании; 10) доступна ли информация о возможности получения непрерывного образования, в том числе для старших возрастных групп; 11) развита ли в регионе система курсов переподготовки и повышения квалификации; 12) можно ли найти информацию о неправительственных организациях (НПО), занимающихся оказанием образовательных услуг населению, в особенности для малообеспеченных и иных социально уязвимых групп; 13) имеется ли электронная рассылка либо общедоступный сайт, непосредственно посвященный образованию, включая непрерывное, и возможности его получения в регионе).

Оценка может осуществляться по суммированию баллов, где 0 означает ответ «нет» или отсутствие какого-то из элементов предложенной выборки, 1 — ответ «да», наличие чего-либо. Выбирается один из вариантов ответов, и, соответственно, присваивается один из баллов.

Максимально возможное число набранных баллов составляет 13 (если все ответы положительные).

A — 0–4; B — 5–8; C — 9–13 (индикаторами являются 5 и 9 баллов).

2. (Критерий) Степень институциональной доступности образования

(выясняются следующие позиции [выраженные в численных показателях — баллах]: 1) достаточная ли численность педагогических кадров в регионе в расчете на 1000 населения (где 0 — ниже норматива, 1 — соответствует нормати-

ву); 2) хватает ли квалифицированных кадров в начальных (в том числе дошкольных образовательных учреждениях — ДОУ), средних и профессиональных образовательных учреждениях (где 0 — штат укомплектован менее чем на 75%, 1 — от 75 до 85%, 2 — свыше 85%); 3) велика ли в связи с этим загрузка школьных классов, в частности, часты ли случаи комплектования классов с превышением установленных для образовательных учреждений нормативов: 25 учеников на класс или наличия второй-третьей смены в городе, 14 учеников — на селе и т.д. (где 0 — таких более трети от общего числа образовательных учреждений, 1 — менее трети; 2 — это единичные случаи; можно собрать информацию в абсолютных цифрах за 2–3 года); 4) удалось ли сохранить малокомплектные школы, если таковые имелись; 5) имеются ли школы с инклюзивным образованием, где обучаются совместно здоровые и дети-инвалиды; 6) имеются ли школы-интернаты и/или учительские дома там, где есть нужда в таковых (где 0 — они нужны, но нет таких учреждений, 1 — а) они есть, как и нужда в них, либо б) их нет, так как они не востребованы местным населением); 7) хватает ли квалифицированных кадров в средних специальных (колледжи, техникумы) и высших учебных заведениях (где 0 — штат укомплектован кадрами менее чем на 75%, 1 — от 75 до 85%, 2 — свыше 85%); 8) созданы ли возможности для повышения квалификации педагогических кадров в регионе (организованные бесплатные курсы, факультеты повышения квалификации, переподготовки и пр.); 9) хватает ли по нормативу публичных библиотек и/или клубов; 10) имеются ли НПО, занимающиеся оказанием образовательных услуг населению, в особенности для малообеспеченных и иных социально уязвимых слоев, а также лиц старших возрастных групп; 11) есть ли курсы по интересам, связанным с образованием, для пенсионеров).

Оценка по таблице и последующему суммированию позиций, где 0 означает отсутствие или нехватку чего-либо, ответ «нет»; 1 — наличие или достаточное количество, ответ «да» (в вопросах, связанных с соотношением на 1000 населения, 1 балл означает соответствие количества нормативу, 0 — несоответствие имеющемуся нормативу).

Максимально возможное число набранных баллов составляет 14.

A — 0–4; B — 5–9; C — 10–14 (индикаторами являются 5 и 10 баллов).

3. (Критерий) Степень субъектной доступности образования (рассматриваются три позиции [выраженные в численных показателях — баллах]: 1) имеется ли запрет для каких-либо лиц обучаться в общеобразовательных заведениях, например для детей из других регионов (нет официальной регистрации в данном населенном пункте), детей нелегальных мигрантов; 2) имеется ли запрет или ограничение для каких-то групп лиц на пре-

подавание в общеобразовательных заведениях, помимо оговоренных законодательно (например, это могут быть мигранты, представители определенных этносов, религий и т.д.); 3) имеются ли примеры из практики, когда те или иные лица не были допущены обучаться в образовательные учреждения, хотя официального запрета на то не было, к примеру, инвалиды, пожилые люди, лица без определенного места жительства).

Оценка по сумме баллов, где 0 — ответ «да», 1 — ответ «нет».

Максимальное значение по данному критерию 3.

A — 0–1; B — 2; C — 3 (индикаторами являются 2 и 3 балла).

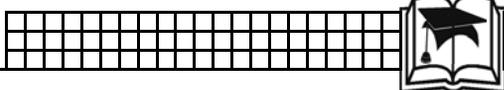
4. (Критерий) Степень территориальной доступности образования (выясняется по трем позициям [выраженным в численных показателях — баллах], насколько удобно добираться населению в общеобразовательные учреждения, в частности, на каком примерно расстоянии расположены школы от места жительства: 1) в начальные и средние образовательные учреждения можно добраться только специальным или междугородним транспортом, и это занимает время от часа и более; 2) до них можно доехать городским общественным транспортом в пределах часа; 3) школьные учреждения расположены на близком расстоянии от места жительства, в так называемой шаговой доступности от жилья (включая учительские дома на селе); выясняются также вопросы о расположении иных образовательных учреждений: 4) имеются ли средние профессиональные образовательные учреждения (техникумы, профессиональные колледжи и др., до которых не надо ехать в другой район); 5) наличие высших учебных заведений на территории города субъекта РФ).

Оценка по итогу суммирования двух линеек подсчета: а) по позициям 1–3 счет осуществляется так, что положительный ответ означает 0 по первой позиции, 1 — по второй позиции, 2 — по третьей позиции; б) по остальным позициям 4–6, как обычно, 0 означает отсутствие или нехватку чего-либо, ответ «нет», 1 — ответ «да».

Максимальное количество баллов — 5.

A — 0–1; B — 2–3; C — 4–5 (индикаторами являются 2 и 4 балла).

5. (Критерий) Степень инфраструктурной доступности образования (выясняются следующие параметры [выраженные в численных показателях — баллах]: 1) наличие зданий начальных, средних, профессиональных образовательных учреждений, соответствующих СанПиНу; 2) наличие доступной среды для инвалидов в учебных заведениях; 3) наличие пришкольной территории; 4) имеются ли в школах возможности для обустройства групп продленного дня; 5) наличие необходимой материально-технической базы в начальных и средних образовательных учреждениях; 6) наличие необходимой

материально-технической базы в профессиональных и высших учебных заведениях; 7) наличие общежитий для студентов и мест в них; 8) приняты ли меры для должного обеспечения безопасности обучающихся).

Оценка по таблице и последующему суммированию всех означенных позиций, где 0 означает отсутствие или нехватку чего-либо, ответ «нет»; 1 — наличие или достаточное количество, ответ «да».

Максимально возможное число баллов — 8.

А — 0–3; Б — 4–6; В — 7–8 (индикаторами являются 4 и 7 баллов).

6. (Критерий) Степень финансовой доступности образования (выясняем по восьми позициям [выраженным в численных показателях — баллах], некоторые из которых ранжированы: 1) насколько доходы населения конкретного региона позволяют гражданам воспользоваться правом на образование, что можно выяснить из статистических данных, обращений к омбудсменам, жалоб граждан в различные инстанции, результатов специальных обследований, материалов СМИ (где 0 — не по карману большинству граждан, или для более 50% населения, 1 — значительной части населения, или для 25–50%, 2 балла — не по карману меньшинству населения, или для менее 25% населения); 2) насколько финансово обременительно для семей обучение ребенка в школе, гимназии или лицее конкретного региона (где 0 — много расходов и различного рода доплат, необходимых для обучения ребенка в государственных школах, где официально обучение бесплатное, 1 — доплаты в школах требуют, но они разумны и не всегда обязательны для родителей, 2 — никаких особых доплат или поборов для обучения ребенка в государственной школе нет); 3) есть ли возможность обратиться за банковским кредитом на образование по разумным ценам в конкретном регионе (где 0 — кредит практически недоступен из-за высоких процентов и сложной процедуры получения, 1 — есть возможность получить кредит на льготных условиях, но их крайне трудно получить, 2 — льготные кредиты достаточно доступны населению); 4) доступны ли по цене платные места в вузах большинству населения, т.е. каково соотношение средних цен на платное образование и средних доходов населения в регионе (можно проследить данные в течение 2–3 лет в ходе мониторинга и вывести затем ранжированные оценки); 5) наличие квотированных мест на бюджетных отделениях вузов и информации по этим вопросам для отдельных категорий граждан; 6) имеются ли региональные льготы на среднее профессиональное и высшее образование для социально уязвимых групп населения, в частности, для детей-сирот, инвалидов, членов многодетных семей и др.; 7) хватает ли бесплатных курсов, центров профессиональной ориентации, переподготовки и пр.).

Оценка по суммированию набранных баллов, где 0 означает отсутствие или нехватку чего-либо, ответ

«нет»; 1 — наличие или достаточное количество, ответ «да», если не указан иной подсчет.

Максимально возможное число баллов — 10.

А — 0–4; Б — 5–7; В — 8–10 (индикаторами являются 5 и 8 баллов).

7. (Критерий) Степень бихевиориальной доступности образования (т.е. формируемой поведенческими факторами и установками личности, которые выясняются на основании собственных наблюдений, метода включенного наблюдения, контент-анализа, жалоб, обращений граждан, сообщений СМИ, оценок уполномоченных по правам человека, специальных запросов и обследований, к этим факторам можно отнести по данному праву следующие позиции [выраженные в численных показателях — баллах]: **а)** реакция на нововведения и способ их принятия в государственной образовательной политике, включая состояние взаимодействия (либо отсутствие такового) государства и гражданского общества¹⁰; **б)** удовлетворенность граждан работой самой системы образования в целом¹¹, а также квалификацией педагогического состава, в частности, в: 1) общеобразовательных школах; 2) специальных школах; 3) профессиональных и технических колледжах; 4) вузах; кроме того, выясняется; 5) высок ли у граждан уровень уважения, достаточного доверия преподавательскому составу конкретного учебного заведения (т.е. много ли обоснованных жалоб на то или иное учебное заведение или на какого-то преподавателя, в том числе по фактам низкой квалификации, а также возникающих по виде педагога конфликтов; также требует мониторинга ситуации); 6) много ли жалоб на кор-

¹⁰ К примеру, навязывание в течение долгих лет ЕГЭ вызвало и продолжает вызывать острые дискуссии, в том числе ввиду того, что мнение граждан зачастую не учитывалось либо учитывалось недостаточно. При этом недостатки ЕГЭ, о которых заранее предупреждали его критики, стали проявляться с самого начала его внедрения (ежегодные коррупционные скандалы в том или ином регионе в связи с ЕГЭ, хотя одной из целей его введения, как заявлялось, была борьба с коррупцией). Для спасения ЕГЭ в него стали вводить элементы не только не соответствующие, но и противоречащие его сути, по крайней мере, тому, что изначально провозглашалось в качестве его сути. Наконец, в 2016 г. вузам разрешили проводить вступительные испытания, хотя отказ от экзаменов в вузах изначально провозглашался как одно из достижений и обязательных условий ЕГЭ. Таким образом, ЕГЭ в качестве якобы прогрессивного нововведения в основных своих проявлениях сравнительно быстро провалился, что показывает оправданность изначальной и довольно массовой его критики. Несмотря на это, его пытаются сохранить, пусть даже и в весьма усеченном виде. Все это не может не вызывать раздражения значительной части населения, проявляющегося в том числе и в поведенческих практиках.

¹¹ Как справедливо отмечено Уполномоченным по правам человека в РФ Т. Москальковой, три смены в школах «не может не считаться нарушением прав в сфере образования» (см.: Российская газета. 2018. 8 ноября).

рупцию в образовательных учреждениях региона (также надо отследить абсолютные данные за 2–3 года); 7) много ли выявляет случаев, когда дети школьного возраста не учатся, не посещают школу по тем или иным причинам, в том числе из-за необходимости подработки (помощи семье), крайней нужды, религиозных факторов; **в)** степень удовлетворенности педагогов своей работой, в том числе взаимоотношениями в коллективе, с учениками, родителями, руководством (требуется мониторинг ситуации, предполагающий дальнейшее ранжирование ответов)).

Оценка по суммированию баллов в: а) 0 — в регионе проблема все еще остра, но широко не обсуждается и не решается в конструктивном плане, 1 — на местах пытаются снять остроту проблем постоянного реформирования системы образования путем проведения общественных слушаний, выпуска специальных программ в СМИ и пр.; б) 1–5 позициях таким образом, что 0 означает отсутствие или нехватку чего-либо, ответ «нет», 1 — наличие или достаточное количество, ответ «да», тогда как в позициях 6–7, напротив, 0 — ответ «да», 1 — ответ «нет»; в) 0 означает полную неудовлетворенность педагогов, 1 — частичную удовлетворенность, 2 — удовлетворенность.

Максимально возможное число баллов — 10.

А — 0–3; Б — 4–6; В — 7–10 (индикаторами являются 4 и 7 баллов).

ИТОГИ:

А — 0–21,

Б — 22–41,

В — 42–63.

Индикаторами являются 22 и 42 баллов.

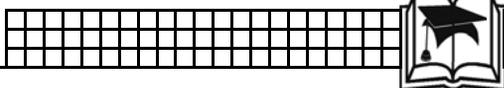
На основе приведенной шкалы (вновь напомним: чем больше баллов набрано, тем лучше) можно в некотором приближении представить ситуацию с соблюдением права на доступ к образованию в конкретном регионе и в целом по стране, а впоследствии проследить динамику данной ситуации. Если какой-то регион набрал сумму менее 22 баллов, ситуацию с правом доступа к образованию там можно считать критической, тогда как благоприятная в целом ситуация отмечается при сумме от 42 до 63 баллов. Ситуацию со средним значением показателей в диапазоне от 22 до 41 балла можно признать настораживающей, требующей внимания и усилий по ее улучшению. При этом разброс в количестве баллов по каждому из критериев и по каждой из позиций имеет практическое значение для мониторинга и оценки состояния конкретного права человека. Количество баллов показывает, насколько близко к какому-либо индикатору состояние того или иного права человека, а периодическое проведение мониторинга с выставлением предлагаемых баллов позволяет проследить динамику развития прав человека (улучшение или ухудшение состояния). Поэтому важно не только выяснение, достигнуты ли соответствующие индикаторы при оценке прав человека, но и в какой части шкалы состояние прав человека в конкретной территории в конкретное время находится (в лучшей или худшей стороне от условной середины, хотя и значение индикаторов нельзя преуменьшать, все параметры важны), какое количество баллов набрано в ходе мониторинга в отношении конкретного правачеловека.

Литература

1. Автономов А.С. Критерии оценки прав человека для Уполномоченных по правам человека: методические рекомендации по мониторингу прав человека на доступ к суду на митинг и на доступ к образованию / А.С. Автономов, И.Н. Гаврилова. М. : Юрист, 2011. 51 с.
2. Автономов А.С. Методологические аспекты оценки прав человека в контексте их судебной защиты / А.С. Автономов, И.Н. Гаврилова // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1 (92). С. 94–107.
3. Автономов А.С. Мониторинг в оценке социальных проектов / А.С. Автономов, Н.Л. Хананашвили ; под ред. А.С. Автономова. М. : Нац. ассоциация благотворительных орг., 2017. 226 с.
4. Нолль Х.-Г. Исследование социальных показателей и мониторинг: методы измерения и анализ качества жизни / Х.-Г. Нолль // Социальное неравенство. Изменения в социальной структуре: европейская перспектива ; под ред. В. Воронкова, М. Соколова. СПб. : Алетей, 2008. 160 с.
5. Социальная политика в контексте межсекторного взаимодействия / отв. ред. А.С. Автономов, И.Н. Гаврилова. М. : Изд-во Гл. архивного упр. г. Москвы, 2009. 399 с.
6. Эндрейн Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем: эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования : учеб. пособие / Ч.Ф. Эндрейн ; пер. с англ. М. : ИНФРА-М: Весь мир, 2000. 318 с.

References

1. Avtonomov A.S. Kriterii otsenki prav cheloveka dlya Upolnomochenny'kh po pravam cheloveka: metodicheskie rekomendatsii po monitoringu prav cheloveka na dostup k sudu, na miting i na dostup k obrazovaniyu [Human Rights Evaluation Criteria for Human Rights Commissioners: Methodological Recommendations for Monitoring of Human Rights to Trial, Rally and Access to Education] / A.S. Avtonomov, I.N. Gavrilova. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2011. 51 s.
2. Avtonomov A.S. Metodologicheskie aspekty' otsenki prav cheloveka v kontekste ikh sudebnoy zaschity' [Methodological Aspects of Human Rights Evaluation within the Framework of Their Judicial Protection] / A.S. Avtonomov, I.N. Gavrilova // Sravnitelnoe konstitutsionnoe obozrenie — Comparative Constitutional Overview. 2013. № 1 (92). S. 94–107.
3. Avtonomov A.S. Monitoring v otsenke sotsialny'kh projektov ; pod red. A.S. Avtonomova [Monitoring in Social Project Evaluation ; edited by A.S. Avtonomov] / A.S. Avtonomov, N.L. Khananashvili. Moskva : Nats. assotsiatsiya blagotvoritelny'kh org. — Moscow : National Association of Charity Organizations, 2017. 226 s.

4. Noll H.-G. Issledovanie sotsialny'kh pokazateley i monitoring: metody' izmereniya i analiz kachestva zhizni [A Review of Social Ratios and Monitoring: Methods of Life Quality Measurement and Analysis] / H.-G. Noll // Sotsialnoe neravenstvo. Izmeneniya v sotsialnoy strukture: evropeyskaya perspektiva ; pod red. V. Voronkova, M. Sokolova [Social Inequality. Changes in the Social Structure: The European Prospect ; edited by V. Voronkov, M. Sokolov]. Sankt-Peterburg : Aleteyya — Saint Petersburg : Aletheia, 2008. 160 s.
5. Sotsialnaya politika v kontekste mezhsektornogo vzaimodeystviya ; otv. red. A.S. Avtonomov, I.N. Gavrilova [The Social Policy within the Framework of Inter-Branch Cooperation ; publishing editors A.S. Avtonomov, I.N. Gavrilova]. Moskva : Izd-vo Gl. arkhivnogo upr. g. Moskvy' — Moscow : Publishing house of the Moscow Chief Archive Directorate, 2009. 399 s.
6. Andrain C.F. Sravnitelny'y analiz politicheskikh sistem: effektivnost osuschestvleniya politicheskogo kursa i sotsialny'e preobrazovaniya : ucheb. Posobie ; per. s angl. [Comparative Political Systems: Policy Performance and Social Change : textbook ; translated from English] / C.F. Andrain. Moskva : INFRA-M: Ves mir — Moscow : INFRA-M: The Whole World, 2000. 318 s.

DOI : 10.18572/1813-1190-2019-2-15-27

Основания задержания подозреваемого: для следователя или для «полиции»?

Россинский С.Б.*

Цель. Комплексный доктринально-правовой анализ оснований для задержания подозреваемого как превентивной принудительной меры, выраженной в краткосрочном ограничении конституционного права человека на свободу и личную неприкосновенность. **Методология:** диалектика, анализ, синтез, историко-правовой метод, метод сравнительного правоведения, метод системного исследования. **Выводы.** 1) Номинально именуясь «Основания задержания подозреваемого», ст. 91 УПК РФ фактически содержит правовую гипотезу совершенно иного рода — основания для подозрения лица в совершении преступления для предварительного признания его причастным к совершению криминального деяния; 2) предусмотренные ст. 91 УПК РФ основания для задержания наилучшим образом гармонируют не с уголовно-процессуальным, а именно с «полицейским» подозрением; 3) разумно, не разрушая общей концепции и содержания указанных оснований, вывести их из системы уголовно-процессуального регулирования, передав в сферу действия некоего унифицированного специального правового института, регламентирующего задержание как превентивную «полицейскую» меру. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование может быть полезно ученым, студентам, аспирантам и адъюнктам, практическим работникам, а также всем тем, кто интересуется проблемами уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, заключение под стражу, неприкосновенность личности, основания для задержания подозреваемого, полицейское задержание.

Grounds for Suspect Detention: For an Investigator or for Police?

Rossinskiy S.B.**

Purpose. A comprehensive doctrinal and legal analysis of grounds for suspect detention as a preventive coercive measure consisting in short-term limitation of the human constitutional right to freedom and personal security. **Methodology:** dialectics, analysis, synthesis, historical and legal method, method of comparative legal studies, system research method. **Conclusions.** 1) Nominally named as Grounds for Suspect Detention, Article 91 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, in fact, contains a completely different legal hypothesis, i.e. grounds for suspecting a person in committing a crime for preliminary acknowledgment of him/her as involved in carrying out of a criminal act; 2) Detention grounds stipulated by Article 91 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are better associated with «police» suspicion rather than criminal procedure one; 3) It is reasonable to withdraw such grounds from the criminal procedure regulation system preserving the general concept and content of the said grounds and transfer them to the scope of some unified special legal institution regulating detention as a preventive «police» measure. **Scientific and practical significance.** The carried-out research may be useful for scientists, students, postgraduate students and junior scientific assistants, practitioners and everyone interested in the issues of criminal proceedings.

Keywords: suspect detention, imprisonment, personal security, grounds for suspect detention, police detention.

Деятельность правоохранительных органов лю- ализации полномочий по задержанию подозревае-
бого государства невозможно представить без ре- мого — установленной законом правоограничитель-

* **РОССИНСКИЙ СЕРГЕЙ БОРИСОВИЧ**, профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, sergey@rossinskiy.ru

** **ROSSINSKIY SERGEY B.**, Professor of the Department of Criminal Procedure Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law

ной меры, выраженной в кратковременном лишении человека свободы посредством его помещения в специализированное учреждение тюремного типа в случае возникновения первоначальной версии о совершении им преступления. Вопросы теории, нормативного регулирования и практики задержания подозреваемого традиционно привлекали внимание отечественных ученых. В последнее время эти проблемы получили новый импульс для своего развития в связи с признанием Российской Федерацией приоритета прав и свобод личности, ратификацией международно-правовых документов в этой области и имплантацией в национальную систему уголовно-процессуального права решений Европейского суда по правам человека.

Вместе с тем, несмотря на повышенный интерес к данной научной проблематике, некоторые аспекты задержания подозреваемого никогда не привлекали должного внимания исследователей. В частности, подобная судьба почему-то была уготована основаниям для задержания — тем самым правовым гипотезам, которые и обуславливают необходимость превентивного ограничения свободы и личной неприкосновенности в связи с началом осуществления в отношении человека уголовного преследования.

Анализ специальной литературы позволяет констатировать, что основания для задержания традиционно воспринимались как само собой разумеющиеся, как некая не требующая опровержения данность, правовая аксиома. Ученые-процессуалисты в своей массе либо вообще не поднимали этих проблем, ограничиваясь лишь констатацией соответствующей правовой нормы (ст. 91 УПК РФ, ст. 122 УПК РСФСР 1960 г. и т.д.)¹, либо раскрывали основания для задержания подозреваемого через их буквальное толкование, т.е. анализировали определенные юридические факты, подпадающие под смысл указанных статей уголовно-процессуального закона².

При этом основания задержания подозреваемого остаются практически неисследованными с методологических позиций, т.е. в контексте самой сущности и целей данной правоограничительной меры. А между тем подобная постановка вопроса позволяет выявить и поднять на поверхность еще целый пласт неразрешенных доктринальных проблем, ставящих под сомнение и само содержание ст. 91 УПК РФ, и правомерность соответствующей следственной практики.

Современное уголовно-процессуальное законодательство предусматривает четыре основания для задержания подозреваемого³. Напомним, что в ранее действующем законодательстве имелись практически идентичные правовые конструкции. Вполне очевидно, что любое из этих оснований должно подразумевать наличие некоего юридического факта, обуславливающего необходимость применения соответствующей диспозиции, т.е. достижения целей, ради которых в систему уголовно-процессуального регулирования, собственно говоря, и введена данная правоограничительная мера. Но так ли это на самом деле?

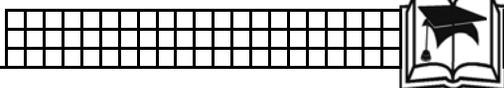
Следует напомнить, что основная цель задержания подозреваемого — это обеспечение нахождения лица «при уголовном деле», т.е. в условиях процессуальной доступности для производства с его участием следственных действий и иных процессуальных процедур, направленных на установление его причастности к совершению преступления и решение вопроса о возможности применения к нему заключения под стражу или домашнего ареста. Не менее важными целями задержания подозреваемого являются: а) воспрепятствование другим формам противодействия расследованию (воздействию на свидетелей, экспертов, уничтожению доказательств и т.д.); б) пресечение иной преступной деятельности. Подобные позиции выражаются подавляющим большинством

¹ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М. : Наука, 1970. Т. 2. С. 32 ; Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М. : ЮрИнфор, 1999. С. 51–52 ; Зайцев О.А., Смирнов П.А. Подозреваемый в уголовном процессе. М. : Экзамен, 2005. С. 140 ; Токарева М.Е., Буланова Н.В., Быкова Е.В., Власова Н.А. и др. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам / под ред. М.Е. Токаревой. М. : Юрлитинформ, 2005. С. 29 ; Копылова О.П. Меры принуждения в уголовном процессе. Тамбов : Тамбовский государственный технический университет, 2011. С. 31 ; и др.

² Лившиц Ю.Д., Гинзбург А.Я. Меры пресечения и задержание в советском уголовном процессе. Алма-Ата : Алма-Атинское отделение ФЗО ВШ МВД СССР, 1961. С. 32–33 ; Соловьев А.Д., Гельфанд И.А. Задержание подозреваемого и применение мер пресечения / отв. ред. И.Д. Бондаренко.

Киев : МООП Украинской ССР, 1964. С. 9–11 ; Березин М.Н., Гуткин И.М., Чувилов А.А. Задержание в советском уголовном судопроизводстве. М. : Академия МВД СССР, 1975. С. 41–49 ; Авдеев В.Н., Богацкий Ф.А. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве России. Калининград : КЮИ МВД России, 2006. С. 81–85 ; Гаврилов Б.Я., Ильюхов А.А., Новиков А.М., Османова Н.В. Досудебное производство в уголовном процессе. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. С. 43–46 ; Ретюнских И.А. Об основаниях задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 18–21 ; и т.д.

³ Мы не считаем необходимым в рамках настоящей статьи дословно перечислять предусмотренные ст. 91 УПК РФ основания для задержания подозреваемого, предполагая, что каждый специалист прекрасно осведомлен о содержании данной правовой нормы.

ученых-процессуалистов⁴, эта же точка зрения неоднократно высказывалась и нами.

Цели задержания подозреваемого являются весьма схожими (может быть, даже идентичными) с целями мер уголовно-процессуального пресечения (глава 13 УПК РФ), кои выражаются в воспрепятствовании уклонению от явки в органы предварительного расследования, в суд или иным формам противодействия производству по уголовному делу, продолжению преступной деятельности, созданию помех для исполнения приговора⁵. И здесь нет ничего удивительного. Ведь задержание подозреваемого фактически представляет собой упрощенный и краткосрочный вариант наиболее строгой меры уголовно-процессуального пресечения — заключения под стражу; оба этих правоограничительных механизма сопряжены с временной изоляцией человека от общества, причем порядок их реализации предусмотрен единым Законом⁶. В.Н. Григорьев прямо называет задержание подозреваемого начальным этапом заключения под стражу⁷.

В этой связи уместно вспомнить и существующие позиции Европейского суда по правам человека относительно понятия «лишение физической свободы», под которым понимается не только классическое тюремное заключение, но и любые другие правоограничительные механизмы, сопряженные с пребыванием в ограниченном пространстве, изоляцией от общества, семьи, прекращением выполнения служебных обязанностей, невозможностью свободного

передвижения и общения с неопределенным кругом лиц. Европейский суд вообще считает правильным оценивать лишение физической свободы не по формальным, а по сущностным признакам и дифференцировать различные арестантские меры не в зависимости от природы или сущности, а исходя из степени или интенсивности⁸.

Основное преимущество задержания — его оперативность, возможность в кратчайшие сроки обеспечить достижение вышеназванных целей без необходимости проведения сложной процедуры получения судебного решения. И.М. Гуткин был совершенно прав, отмечая, что потребность в задержании возникает в случае необходимости заключения человека под стражу, когда немедленное применения этой меры пресечения по тем или иным причинам невозможно⁹.

Тождество, по крайней мере сходство, целей задержания подозреваемого с целями мер уголовно-процессуального пресечения методологически должно обуславливать и единые основания их применения, вытекающие из данных целей. Однако законодатель решает указанный вопрос несколько иначе. Прямая взаимосвязь целей и соответствующих оснований предусмотрена лишь в части правовой регламентации мер пресечения (ст. 97 УПК РФ); для задержания подозреваемого установлены совершенно иные основания (ст. 91 УПК РФ), которые никоим образом не согласуются с его целями. Если указанные правовые категории и находятся между собой в какой-либо связи (о чем еще можно поспорить), то подобная связь не носит причинно-следственного характера. Основания задержания прямо не обусловлены его целями, а соприкасаются с ними как бы вскользь без жесткой правовой сцепки.

К примеру, если лицо застигнуто при совершении преступления, это вовсе не означает, что оно в дальнейшем будет иметь намерение скрыться или уклоняться от явки к следователю. Если потерпевший или очевидцы указали на лицо как на совершившее пре-

⁴ Лившиц Ю.Д., Гинзбург А.Я. Указ. соч. С. 30 ; Клюков Е.М. Мера процессуального принуждения. Казань : Казанский госуниверситет, 1974. С. 21 ; Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1975. С. 140 ; Березин М.Н., Гуткин И.М., Чувилов А.А. Указ. соч. С. 11 ; Зайцева Л.Л., Пурс А.Г. Задержание в уголовном процессе Республики Беларусь. Минск : Харвест, 2011. С. 26 ; Муравьев К.В. Меры уголовно-процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация. Омск : Омская академия МВД России, 2017. С. 181 ; и др.

⁵ Гуткин И.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М. : ВШ МООН РСФСР, 1963. С. 6 ; Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. М. : Юридическая литература, 1964. С. 14 ; Михайлов В.А. Методологические основы мер пресечения. М. : Академия управления МВД России, 1998. С. 9 ; Ткачева Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу в уголовном процессе России. Челябинск : Южно-Уральский госуниверситет, 2004. С. 27 ; и др.

⁶ Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (с послед. изм. и доп.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Григорьев В.Н. Указ. соч. С. 64–64.

⁸ Постановление Европейского суда по правам человека от 6 ноября 1980 г. по делу «Гуццарди против Италии» (жалоба № 7367/76) ; Постановление Европейского суда по правам человека от 28 октября 1994 г. по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (жалоба № 14310/88) ; Постановление Европейского суда по правам человека от 24 ноября 1994 г. по делу «Кеммаш против Франции» (жалобы № 12325/86, № 14992/89) // URL: <http://europeancourt.ru/resheniya-evropejskogo-suda-na-russkom-yazyke/>

⁹ Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учеб. пособие. М. : Академия МВД СССР, 1980. С. 8.

ступление, не значит, что оно продолжит преступную деятельность. Если у лица будут обнаружены явные следы преступления, не предполагает его безусловного желания противодействовать дальнейшему расследованию и т.д.

Несогласованность целей и установленных законом оснований для задержания подозреваемого представляет собой не только теоретическую, но и сугубо прикладную проблему. Она приводит к серьезным ошибкам, возникающим в следственной практике, и негативно сказывается на правах и свободах конкретных лиц. Постараемся проиллюстрировать это примером из нашей собственной следственной практики. Осенью 1997 г. сотрудники УБЭП ГУВД г. Москвы задержали некоего А.М. Миносяна, который, находясь на площади Курского вокзала, пытался незаконно сбыть несколько слитков драгоценного металла — серебра, ранее выплавленного им из частей радиодеталей, найденных на свалке военных отходов в Ивановской области. В этот же день дежурный следователь возбудил уголовное дело по ч. 1 ст. 191 УК РФ и задержал подозреваемого в соответствии с действующей тогда ст. 122 УПК РСФСР 1960 г. (он был застигнут в момент совершения преступления, и при нем оказались слитки серебра — явные следы преступления). На первый взгляд легитимность данного решения не вызывала никаких сомнений, поскольку вышеуказанные основания полностью подтверждались результатами проведенных на скорую руку первоначальных следственных действий. Однако, приняв на следующий день уголовное дело к своему производству, автор этих строк пришел к выводу, что дежурный следователь поступил опрометчиво, допустил ошибку, стоившую А.М. Миносяну почти целых суток нахождения под стражей. Ввиду сравнительно небольшой тяжести содеянного и обстоятельств, характеризующих личность подозреваемого (он совершил преступление впервые из-за тяжелого материального положения — имея на иждивении большую супругу и двух несовершеннолетних детей, остался без постоянной работы и т.д.), необходимость его дальнейшего нахождения под стражей, на наш взгляд, отсутствовала. В связи с чем было принято решение о незамедлительном освобождении А.М. Миносяна из изолятора временно содержания «под честное слово», которое он, кстати, достойно сдержал.

Прекрасно понимая бесперспективность дальнейшего ареста подозреваемых, сотрудники органов предварительного расследования, оказываясь в подобных ситуациях, зачастую принимают процессуальные решения об их задержании сугубо формаль-

но. Тем более, юридическая гипотеза ст. 91 УПК РФ сконструирована таким образом, что позволяет применить этот механизм практически в 100% случаев за исключением, пожалуй, лишь уголовных дел о преступлениях, не караемых лишением свободы. В части задержания даже не предусмотрена правовая норма, предполагающая необходимость изучения всех нюансов личности подозреваемого и других обстоятельств, влияющих на указанное решение подобно тому, как это определено в ст. 99 УПК РФ. Действующий уголовно-процессуальный закон и основанная на нем следственная практика не только приводят к ограничению конституционных прав подозреваемых на свободу и личную неприкосновенность, но и фактически отнимают у них возможность обжалования таких актов. К слову, об отсутствии перспектив в обжаловании задержаний постоянно говорят и многие практические работники, в первую очередь адвокаты.

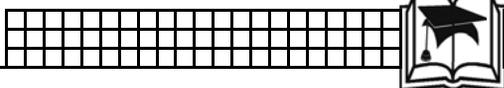
А причина всех указанных противоречий вполне очевидна. Формулируя основания для задержания подозреваемого, разработчики действующего уголовно-процессуального закона (кстати, как и их советские предшественники) допустили серьезную методологическую ошибку — не учли или просто проигнорировали цели данной меры принуждения, сконструировали правовую гипотезу ст. 91 УПК РФ в отрыве от самой сущности этого правоограничительного механизма, без его надлежащего понимания и осмысления.

Номинально именуясь «Основания задержания подозреваемого», указанная норма фактически содержит правовую гипотезу совершенно иного рода — основания для подозрения лица в совершении преступления для предварительного признания его причастным к совершению криминального деяния.

Ради справедливости необходимо обратить внимание, что подобный тезис не обладает абсолютной новизной. Схожие суждения уже высказывались в целом ряде научных публикаций по проблемам задержания подозреваемого, хотя так и не получили никакой законодательной поддержки, оставшись не более чем очередной точкой зрения¹⁰.

Кроме того, следует иметь в виду, что высказанный тезис вообще является несколько условным. Ведь в настоящее время сама по себе категория

¹⁰ Козловский Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1989. С. 52 ; Воложина Н.Н. Обеспечение конституционного права на неприкосновенность частной жизни при производстве предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2000. С. 138 ; Зайцев О.А., Смирнов П.А. Указ. соч. С. 147.

«подозрение в совершении преступления» не имеет четкой правовой определенности. К тому же данная проблема невольно тянет за собой явные пробелы в нормативной регламентации подозреваемого как участника уголовного судопроизводства, находящегося под этим самым подозрением. Причем в современных условиях указанные вопросы приобретают особую актуальность из-за невозможности игнорирования имеющихся решений Конституционного Суда РФ и Европейского суда по правам человека.

Законодатель, а вслед за ним и многие отечественные ученые традиционно определяли и продолжают определять сущность подозреваемого субъекта по формальным признакам (через процедуру его вступления в уголовное дело)¹¹. Более того, некоторые авторы даже пытались обосновать ошибочность научных позиций, направленных на рассмотрение фигуры подозреваемого через категорию «подозрение»¹².

Представляется, что сущность любого субъекта уголовного судопроизводства должна проистекать не из каких-то формальных условий его вступления в процессуальные правоотношения, а через его предназначение для уголовного дела, через фактические обстоятельства, предполагающие необходимость его наделения определенными правами и обязанностями. По крайней мере, подобный подход соответствует элементарным законам гносеологии, логики, да и просто здравому смыслу.

По своей сути подозреваемый как участник уголовного судопроизводства — это не лицо, которое было задержано, заключено под стражу, уведомлено и т.д., а субъект, находящийся под подозрением. Именно так о нем писали еще советские авторы, наи-

более глубоко и системно погружившиеся в соответствующую научную проблематику¹³.

В последние годы ученые стали уделять значительно больше внимания методологическим основам подозрения в совершении преступления и вытекающей из него сущности подозреваемого¹⁴. Анализ имеющихся в нашем распоряжении научных публикаций позволяет сделать вывод, что в настоящее время, несмотря на упомянутую выше правовую неопределенность, в отношении этих уголовно-процессуальных категорий сложилась достаточно четкая, ясная и вполне единообразная доктринальная позиция. Так, под подозрением в общем понимается некий промежуточный акт уголовного преследования, уместный при наличии сведений, позволяющих полагать о совершении лицом преступления, но в условиях дефицита доказательств для его привлечения к уголовной ответственности в порядке главы 23 УПК РФ. Следовательно, подозреваемым признается участник уголовного судопроизводства, находящийся на начальном этапе осуществления в отношении него уголовного преследования, т.е. при наличии в отношении него определенных публичных притязаний, но еще недостаточных для формирования полноценной уголовно-правовой претензии (обвинения).

¹¹ См., напр.: Галкин И.С., Кочетков В.Г. Процессуальное положение подозреваемого. М.: Юридическая литература, 1968. С. 3–4; Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М.: Юридическая литература, 1989. С. 460–461; Цибарт Е.Э. Процессуальное положение подозреваемого в российском уголовном процессе. Оренбург: ОГАУ, 2001. С. 22–23; Клепов М.Н. Теория и практика становления процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: МА МВД России, 2002. С. 10; Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РФ / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. М.: Юристъ, 2003. С. 157; Авдеев В.Н., Богацкий Ф.А. Указ. соч. С. 43; Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2015. С. 113; и т.д.

¹² Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса. Минск: Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1970. С. 91.

¹³ Карнеева Л.М. Подозреваемый в советском уголовном процессе // Социалистическая законность. 1954. № 12. С. 21–24; Ее же. К вопросу о подозреваемом в советском уголовном процессе // Советская криминалистика на службе следствия: сб. ст. Вып. XII. М.: Госюриздат, 1959. С. 8–9; Арзуманян Т.М. О фигуре подозреваемого // Социалистическая законность. 1956. № 10. С. 21–24; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. М.: Наука, 1968. Т. 1. С. 236.

¹⁴ Козловский Н.А. Указ. соч. С. 51; Давлетов А.А. Подозрение и защита: учебно-практическое пособие. Екатеринбург: Президиум Свердловской областной коллегии адвокатов, 1997. С. 8–10; Пантелеев И.А. Проблемы совершенствования института подозрения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 106; Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2004. С. 384; Зайцев О.А., Смирнов П.А. Указ. соч. С. 62–62; Сопнева Е.В. Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1474–1479; Ее же. Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 106–112; Калинин А.В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: СГЮА, 2016. С. 7–8; Грибунов О.П., Степанова В.Г. Обоснованность подозрения как гарантия законности ограничения прав и свобод граждан при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 13–18; и т.д.

При таком (на наш взгляд, абсолютно правильном) подходе весь законодательный хаос с основаниями для подозрения лица в совершении преступления и основаниями для его задержания становится более чем понятным. Предусмотренные ст. 91 УПК РФ основания не имеют прямого отношения к задержанию подозреваемого как к мере принуждения. Они представляют собой типичные причины для возникновения в отношении человека предварительных уголовно-правовых притязаний, т.е. начала осуществления в отношении него конкретизированного уголовного преследования, обличенного в форму подозрения. К какому же все-таки умозаключению должен прийти следователь, если лицо было застигнуто на месте преступления, или если на него указали потерпевшие либо очевидцы, или если на нем были обнаружены явные следы преступления? Наверное, не к выводу о необходимости ограничения его свободы, а к предположению, к первоначальной версии о его причастности к совершению преступления.

Подозрение в совершении преступления вовсе не влечет за собой его обязательное задержание, равно как и обвинение не влечет обязательное заключение лица под стражу. Мы согласны с И.М. Гуткиным, что необходимость неотложного заключения под стражу не может быть объяснена лишь наличием оснований для подозрения¹⁵. Противное превращало бы юридическое принуждение в ничем не оправданное ограничение прав личности.

Кстати, создается впечатление, что законодатель не просто допустил рассмотренную методологическую ошибку, а окончательно запутался в разграничении целей и оснований подозрения с целями и основаниями задержания подозреваемого. В ч. 2 ст. 91 УПК РФ говорится, что при наличии специальных правовых условий следователь вправе задержать лицо лишь на основании подозрения в совершении преступления. В п. 1 ч. 1 ст. 94 УПК РФ определено, что задержанный подлежит освобождению в случае, если не подтвердится подозрение в совершении преступления и т.д.

Похожие путанные суждения высказываются и в некоторых научных работах. Так, С.В. Шевелева полагает, что задержание допускается не для выяснения причастности человека к преступлению, а в целях установления наличия обоснованного подозрения, так как содержание предусмотренных ст. 91 УПК РФ оснований со всей очевидностью свидетельствует о причастности подозреваемого к совершенному пре-

ступлению без ее выявления¹⁶. Е.С. Березина пишет, что, говоря о цели задержания, следует вести речь о подтверждении либо опровержении самого подозрения, т.е. выяснении причастности лица к совершению преступления¹⁷.

Точно такая же неопределенность прослеживается и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященном практике заключения под стражу, залога и домашнего ареста¹⁸. В п. 2 данного документа прямо разъясняется о необходимости проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, под которой Пленум понимает наличие оснований, предусмотренных для задержания подозреваемого.

Отдельные авторы пытаются найти своеобразный выход из сложившейся ситуации посредством использования еще одной категории — «мотивы задержания». Тем более что согласно ч. 2 ст. 92 УПК РФ такие мотивы в обязательном порядке должны быть указаны в протоколе задержания подозреваемого. В ряде публикаций высказывается мнение, что основания для задержания прямо предусмотрены ст. 91 УПК РФ, а мотивы как раз и заключаются в пресечении попыток лица скрыться, иным образом противодействовать предварительному расследованию или продолжать преступную деятельность¹⁹. Мотивами задержания, указали О.Я. Баев и М.О. Баев, являются опасения, что лицо, подозреваемое в совершении преступления, может воспрепятствовать производству по делу: скрыться, продолжить преступную деятельность или помешать установлению истины (угрожать свидетелю, иным участникам процесса, уничтожить доказательства)²⁰. Мотивы уголовно-процессуального задержания, отмечает А.В. Ольшев-

¹⁵ Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания... С. 32.

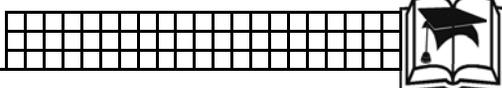
¹⁶ Шевелева С.В. Уголовно-процессуальное принуждение, связанное с физическим воздействием, гарантии его законности и обоснованности : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. С. 91.

¹⁷ Березина Е.С. Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 82.

¹⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 3-е изд. М. : Норма, 2013. С. 331 ; Гаврилов Б.Я., Ильиных А.А., Новиков А.М., Османова Н.В. Указ. соч. С. 46.

²⁰ Баев О.Я., Баев М.О. Современный правовой механизм задержания подозреваемого в совершении преступления и проблемы его совершенствования // Вестник Воронежского госуниверситета. Сер.: Право. 2016. № 2. С. 232.

ский, основанные на материалах уголовного дела, обоснованные опасения, что, находясь на свободе, лицо, подозреваемое в совершении преступления, скроется от дознания или предварительного следствия, продолжит заниматься преступной деятельностью или воспрепятствует производству по уголовному делу, побуждающие следователя применить эту меру принуждения²¹.

С данной точкой зрения согласиться достаточно сложно, поскольку она предполагает нарушение логического единства методологии уголовно-процессуальной деятельности. Подобная позиция как бы придает совершенно идентичным правовым гипотезам абсолютно разное юридическое значение. Применительно к мерам пресечения — это основания для их избрания. А в части задержания — почему-то мотивы. Ввиду близости целей задержания с домашним арестом и заключением под стражу приведенные выше суждения представляются ошибочными.

Более того, лингвисты вообще толкуют категорию «мотив» как побудительную причину, повод к какому-нибудь действию²². Мотив всегда имеет внутренний, субъективный характер, связанный с умственным, психическим отношением какого-либо субъекта к достижению определенной цели. Поэтому большинство ученых-процессуалистов придерживаются противоположного и, на наш взгляд, совершенно справедливого мнения, что мотивами задержания являются внутренние побуждения должностных лиц органов дознания или предварительного следствия, применяющих данную меру принуждения в конкретных условиях²³.

Мотивы так же, как и основания, производны от целей задержания подозреваемого. Однако они представляют собой результат внутренней, мыслительной деятельности соответствующего субъекта и выражают не общие правовые гипотезы, а конкретные жизненные обстоятельства (юридические факты). Следовательно, мотивы не подлежат какой-либо

стандартизации и тем более не могут быть формализованы в законе, иное противоречило бы принципу свободы оценки доказательств. Тогда как основания для задержания, наоборот, носят унифицированный характер общей правовой гипотезы, предполагающей прямое закрепление в тексте Уголовно-процессуального кодекса РФ. Другими словами, разница между целями и мотивами задержания подозреваемого выражена в классическом разграничении категорий «право» и «факт».

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о необходимости изменения доктринальных подходов к основаниям для задержания подозреваемого. Очевидно, что ввиду близости целей этого правоограничительного механизма с целями мер уголовно-процессуального пресечения основания для задержания вроде как должны быть сформулированы с учетом правовой преемственности к ст. 97 УПК РФ. Краткосрочное ограничение свободы подозреваемого лишь при наличии достаточных причин полагать, что он скроется или продолжит криминальную деятельность или будет угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожать доказательства либо иным способом противодействовать производству по уголовному делу или создаст препятствия для исполнения приговора либо своей экстремизации, было бы вполне разумным.

Но стоит ли в этой связи вносить какие-то очередные предложения по изменению действующего уголовно-процессуального закона? Ведь предусмотренные ст. 91 УПК РФ основания для задержания — это не продукт постсоветского нормотворчества, а хорошо выработанный и апробированный многолетней практикой доктринально-правовой постулат, уходящий своими корнями далеко в прошлое. Как отмечает Л.В. Головкин, институт оснований задержания формировался исторически. И в этом смысле на российское право большое влияние оказали положения французского Кодекса уголовного следствия 1808 г., в свою очередь, воспринявшего классический средневековый институт *in flagranti* (действия полиции при обнаружении преступления с поличным). Поэтому нет ничего удивительного, что формулировки ст. 91 УПК РФ почти дословно воспроизводят соответствующие положения действующего УПК Франции 1958 г. о так называемом дознании очевидных преступлений²⁴.

Практически идентичные правовые конструкции были свойственны и для Устава уголовного судопроизводства 1864 г., и для законодательства СССР и

²¹ Ольшевский А.В. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 8.

²² Толковый словарь русского языка // URL: <http://www.vedu.ru/expdic/16100/>

²³ Коврига З.Ф. Указ. соч. С. 142; Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1978. С. 88–89; Васильева Е.Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002. С. 78; Луговец Н.В. Задержание подозреваемого и иные меры процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 9; Зайцева Л.Л., Пурс А.Г. Указ. соч. С. 32, 35; Копылова О.П. Указ. соч. С. 27; и т.д.

²⁴ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. М. : Статус, 2016. С. 530.

союзных республик. Они же содержатся в уголовно-процессуальных кодексах многих европейских стран и их бывших колоний, а также государств, возникших на постсоветском пространстве (Беларуси, Армении, Украины, Грузии и т.д.).

А если так, если предусмотренные ст. 91 УПК РФ основания для задержания подозреваемого имеют настолько сильную доктринальную, нормативную и историческую основу, подкрепленную вполне приемлемой правоприменительной практикой, то, может быть, вообще не стоит вносить никаких очередных законодательных поправок? Может быть, здесь гораздо правильнее сохранить Status Quo и, наконец, поставить во главу угла столь необходимую для современной России правовую стабильность?

Результаты некоторых наших исследований по данной проблематике²⁵ привели нас к убеждению, что, несмотря на все попытки ввести задержание в сферу уголовно-процессуального регулирования, оно было и остается превентивной «полицейской» мерой, воздействующей на поведение подозреваемого как бы извне, из-за рамок процессуальной формы.

И если исходить из подобного, как бы «допроцессуального», «полицейского» понимания задержания, то сконструированные многолетней доктриной основания данной правоограничительной меры (если был застигнут, если на него указали, если на нем обнаружены следы и т.д.) становятся вполне приемлемыми и логичными. Кстати, именно в таком ключе эти основания и были сформулированы в вышеупомянутом наполеоновском Кодексе уголовного следствия 1808 г., в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и во многих других уголовно-процессуальных кодексах стран с европейской правовой системой.

Беда заключается в том, что в Российской Федерации ввиду целого ряда факторов и исторических катаклизмов XX в. сформировалась особая, самобытная национальная модель уголовного судопроизводства, предполагающая интеграцию «классических» следственных полномочий с «полицейскими», относящая процессуальную функцию предварительного расследования к компетенции «силовых» министерств и ведомств. Представляется, что основной «разрыв в цепи» произошел в 1928 г., когда народные следователи были выведены из ведения судов и полностью подчинены органам прокуратуры (Нар-

комату юстиции)²⁶. А кардинальный процессуальный перелом в этой части свершился во время реформы уголовного судопроизводства конца 1950-х — начала 1960-х гг., формально легализовавшей право следователя на задержание подозреваемого (ст. 32 Основ уголовного судопроизводства СССР²⁷, ч. 6 ст. 127 УПК РСФСР 1960 г. и аналогичные положения уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик).

Если французская традиция всегда развивала вышеупомянутый средневековый институт *in flagranti* применительно к особой форме дознания, пишет Л.В. Головкин, то российская доктрина со времен Устава уголовного судопроизводства преобразовала его в основания задержания, дошедшие до наших времен без каких-либо серьезных изменений²⁸.

В отличие от юрисдикционного режима уголовного судопроизводства сами по себе «полицейские» действия по захвату и доставлению лица к следователю носят сугубо предварительный, «допроцессуальный» характер и не предполагают столь серьезных юридических последствий. Очень часто сотрудники правоохранительных органов в момент задержания даже не в состоянии оценить правовую природу происшествия (что это было: преступление или административный деликт и т.д.), не могут правильно квалифицировать содеянное, а некоторые из них вообще не имеют (и не должны иметь!) столь глубоких юридических познаний.

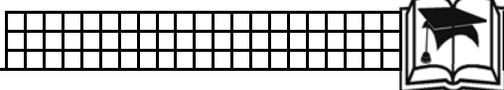
Говоря проще, полицейский не обременен обязанностью полноценного расследования, выяснения всех обстоятельств дела, его основная задача — быстро отреагировать на «сигнал», оперативно задержать и доставить лицо к следователю. И поэтому нет ничего удивительного, что в такой ситуации возникшие у него одновременно основания для подозрения и основания для задержания этого лица сливаются в нечто единое, цельное, интегрированное, неразрывно связанное как в организационном, так и мыслительно-логическом аспекте. С одной стороны, безотлагательно установленные на месте фактические обстоятельства происшедшего должны явно свидетельствовать о необходимости применения в отношении «виновника» государственно-принудительных

²⁵ Россинский С.Б. Цели задержания подозреваемого в общем механизме ограничения права человека на свободу и личную неприкосновенность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 71–78.

²⁶ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г. «Об изменении Положения о судопроизводстве РСФСР» // Советская прокуратура : сб. док. / сост. Г.А. Метелкина, И.Н. Ширяев ; отв. ред. К.С. Павлицев, С.А. Шишков. М. : Юридическая литература, 1981. С. 80–81.

²⁷ Имеется в виду: Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин... С. 530.

полномочий. Тогда как, с другой стороны, сотрудникам правоохранительных органов следует четко осознавать противоправный (а по возможности — преступный) характер случившегося и предвидеть наступление юридических санкций, т.е. именно подозревать задерживаемое лицо. В противном случае и сам захват, и доставление будут заведомо незаконны, превращаясь в ничем не оправданное ограничение конституционного права на свободу и личную неприкосновенность.

Однако имеющее место в подобных случаях «полицейское» подозрение еще не является подозрением в уголовно-процессуальном смысле²⁹. Оно не исходит от полномочного должного лица (следователя), не предполагает первый этап конкретизированного уголовного преследования, не проистекает в рамках установленной УПК РФ процессуальной формы. Иными словами, «полицейское» подозрение — это подозрение в каком-то более общем, как бы обиходном, бытовом значении. Помимо сотрудника «силового» ведомства подобное непроцессуальное подозрение может быть выдвинуто и должностным лицом иного государственного либо муниципального органа, и представителем какой-либо организации, и работником частного охранного предприятия, и просто обыкновенным гражданином, например, в связи с тем же самым задержанием лица в контексте ст. 38 УК РФ.

Как представляется, предусмотренные ст. 91 УПК РФ основания для задержания наилучшим образом гармонируют не с процессуальным, а именно с таким вот «полицейским» подозрением. Кстати, здесь привлекает внимание одно обстоятельство — при формулировании данной правовой гипотезы законодатель почему-то употребляет не принятые в уголовно-процессуальной доктрине и имеющие формально определенный смысл термины, а обиходную лексику: не «задержано», а «застигнуто»; не «свидетели», а «очевидцы»; не «показали», а «указали»; не «доказательства», а какие-то неопределенные «следы» и т.д. Конечно, этот факт может оказаться простой случайностью. Но тем не менее он еще раз заставляет задуматься над сказанным.

Некоторые авторы, рассматривая в своих работах проблемы разграничения процессуального и «полицейского» подозрения, выдвигают тезис о необ-

ходимости закрепления в законе еще одного как бы предварительного правового статуса — заподозренного. Так, Е.В. Сопнева пишет, что в настоящее время имеются все необходимые «ингредиенты» для легализации заподозренного как формы реализации подозрения на различных уровнях отношений³⁰. Близкие по смыслу идеи высказываются и другими специалистами.

В принципе, не возражая против подобной доктринальной позиции, мы тем не менее выступаем категорически против введения заподозренного, равно как и самого «полицейского» подозрения в орбиту уголовно-процессуального регулирования. Ввиду явного непроцессуального характера деятельности правоохранительных органов такой подход приведет к размыванию границ уголовного процесса как автономной юрисдикционной деятельности, имеющей свое строго определенное назначение и строго установленную юридическую форму. Либо надо вообще полностью разрушить и пересмотреть сложившуюся годами самобытную национальную доктрину досудебного производства, вернувшись к «классической» континентальной модели, обусловленной полицейским дознанием и судебным следствием. Либо необходимо искать иные пути разрешения указанной проблемы.

Замысел настоящей статьи не предполагает подробного рассмотрения концептуальных вопросов о дальнейшей судьбе и необходимости очередного реформирования национальной системы предварительного расследования. Эти вопросы носят более общий характер и явно выходят за локальные рамки проблем задержания подозреваемого. Тем более что в последние время они и так не сходят со страниц многочисленных научных публикаций, остаются в повестке всевозможных конференций, круглых столов, общественных обсуждений, парламентских слушаний и т.д. Сегодня вообще очень сложно давать какие-либо прогнозы в данном направлении.

Однако вполне ясно другое. При сохранении существующей системы досудебных механизмов выявления, раскрытия и расследования преступлений, с одной стороны, предполагающих жесткое разделение процессуальной и непроцессуальной формы, а с другой — возлагающих функцию предварительного расследования на «силовые» министерства и ведомства, «полицейскому» подозрению, равно как и основаниям для задержания подозреваемого, не место в Уголовно-процессуальном кодексе!

²⁹ В этой связи Е.В. Сопнева абсолютно права, что подозрение можно рассматривать как многоликое явление, свойственное различным сферам: оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности, профессиональному функционированию сотрудников полиции. См.: Сопнева Е.В. Заподозренный как способ выражения подозрения... С. 1474.

³⁰ Там же. С. 1479.

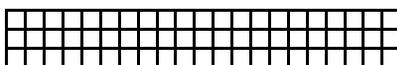

В этой связи представляется разумным, не разрушая общей концепции и содержания указанных оснований, вывести их из системы уголовно-процессуального регулирования, передав в сферу действия некоего унифицированного специального законодательного акта, регламентирующего задержание как превентив-

ную «полицейскую» меру. Тогда как в ведении следователя будет целесообразно оставить процессуальные полномочия по проверке законности и обоснованности использования этих оснований, в частности, сохранить его право на принятие решения об освобождении подозреваемого из-под стражи в порядке ст. 94 УПК РФ.

Литература

1. Авдеев В.Н. Подозреваемый в уголовном судопроизводстве России / В.Н. Авдеев, Ф.А. Богацкий. Калининград : КЮИ МВД России, 2006. 106 с.
2. Арзуманян Т.М. О фигуре «подозреваемого» / Т.М. Арзуманян // Социалистическая законность. 1956. № 10. С. 21–24.
3. Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений / Ф.Н. Багаутдинов. М. : Юрлитинформ, 2004. 543 с.
4. Баев О.Я. Современный правовой механизм задержания подозреваемого в совершении преступления и проблемы его совершенствования / О.Я. Баев, М.О. Баев // Вестник Воронежского госуниверситета. Сер.: Право. 2016. № 2. С. 229–238.
5. Березин М.Н. Задержание в советском уголовном судопроизводстве : учебно-практическое пособие / М.Н. Березин, И.М. Гуткин, А.А. Чувилев. М. : Академия МВД СССР, 1975. 90 с.
6. Березина Е.С. Задержание подозреваемого как институт уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук / Е.С. Березина. М., 2009. 234 с.
7. Васильева Е.Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Е.Г. Васильева. Уфа, 2002. 193 с.
8. Воложкина Н.Н. Обеспечение конституционного права на неприкосновенность частной жизни при производстве предварительного следствия : дис. ... канд. юрид. наук / Н.Н. Воложкина. Ростов н/Д, 2000. 199 с.
9. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство в уголовном процессе / Б.Я. Гаврилов, А.А. Илюхов, А.М. Новиков, Н.В. Османова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 222 с.
10. Галкин И.С. Процессуальное положение подозреваемого / И.С. Галкин, В.Г. Кочетков. М. : Юридическая литература, 1968. 63 с.
11. Грибунов О.П. Обоснованность подозрения как гарантия законности ограничения прав и свобод граждан при применении мер принуждения в уголовном судопроизводстве / О.П. Грибунов, В.Г. Степанова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 13–18.
12. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого / В.Н. Григорьев. М. : ЮрИнфор, 1999. 541 с.
13. Гуткин И.М. Актуальные вопросы уголовно-процессуального задержания : учеб. пособие / И.М. Гуткин. М. : Академия МВД СССР, 1980. 89 с.
14. Гуткин И.М. Меры пресечения в советском уголовном процессе / И.М. Гуткин. М. : ВШ МООП РСФСР, 1963. 43 с.
15. Давлетов А.А. Подозрение и защита : учебно-практическое пособие / А.А. Давлетов. Екатеринбург : Президиум Свердловской областной коллегии адвокатов, 1997.
16. Зайцев О.А. Подозреваемый в уголовном процессе / О.А. Зайцев, П.А. Смирнов. М. : Экзамен, 2005. 318 с.
17. Зайцева Л.Л. Задержание в уголовном процессе Республики Беларусь / Л.Л. Зайцева, А.Г. Пурс. Минск : Харвест, 2011. 224 с.
18. Калинин А.В. Процедура выдвижения подозрения как гарантия прав личности в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Калинин. Саратов : СГЮА, 2016. 26 с.
19. Карнеева Л.М. К вопросу о подозреваемом в советском уголовном процессе / Л.М. Карнеева // Советская криминалистика на службе следствия : сб. ст. Вып. XII. М. : Госюриздат, 1959.
20. Карнеева Л.М. Подозреваемый в советском уголовном процессе / Л.М. Карнеева // Социалистическая законность. 1954. № 4. С. 10–16.
21. Клепов М.Н. Теория и практика становления процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.Н. Клепов. М., 2002. 36 с.
22. Клюков Е.М. Мера процессуального принуждения / Е.М. Клюков. Казань : Казанский госуниверситет, 1974. 108 с.
23. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение / З.Ф. Коврига. Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1975. 175 с.
24. Козловский Н.А. Подозрение в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Козловский. Свердловск : СЮИ, 1989. 166 с.
25. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. М. : Юристъ, 2004. 822 с.
26. Копылова О.П. Меры принуждения в уголовном процессе / О.П. Копылова. Тамбов : Тамбовский государственный технический университет, 2011. 120 с.
27. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. 136 с.
28. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М. : Юридическая литература, 1989. 638 с.
29. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. 1276 с.
30. Лившиц Ю.Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе / Ю.Д. Лившиц. М. : Юридическая литература, 1964. 138 с.
31. Лившиц Ю.Д. Меры пресечения и задержание в советском уголовном процессе / Ю.Д. Лившиц, А.Я. Гинзбург. Алма-Ата : Алма-Атинское отделение ФЗО ВШ МВД СССР, 1961.

32. Луговец Н.В. Задержание подозреваемого и иные меры процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.В. Луговец. Саратов : СЮИ МВД России, 2004. 26 с.
33. Михайлов В.А. Методологические основы мер пресечения / В.А. Михайлов. М. : Академия управления МВД России, 1998. 188 с.
34. Муравьев К.В. Меры уголовно-процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация / К.В. Муравьев. Омск : Омская академия МВД России, 2017. 226 с.
35. Ольшевский А.В. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Ольшевский. М., 2006. 25 с.
36. Пантелеев И.А. Проблемы совершенствования института подозрения в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук / И.А. Пантелеев. Екатеринбург, 2000. 160 с.
37. Ретюнских И.А. Об основаниях задержания лица, подозреваемого в совершении преступления / И.А. Ретюнских // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 1. С. 18–21.
38. Соловьев А.Д. Задержание подозреваемого и применение мер пресечения / А.Д. Соловьев, И.А. Гельфанд ; отв. ред. И.Д. Бондаренко. Киев : МООН Украинской ССР, 1964.
39. Сопнева Е.В. Залодозренный как способ выражения подозрения / Е.В. Сопнева // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44). С. 1474–1480.
40. Сопнева Е.В. Статусы подозрения и обвинения в уголовном судопроизводстве / Е.В. Сопнева // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 105–113.
41. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М.С. Строгович. Т. 1 : Основные положения науки советского уголовного процесса. М. : Наука, 1968. 470 с.
42. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М.С. Строгович. Т. 2 : Порядок производства по уголовным делам по советскому уголовно-процессуальному праву. М. : Наука, 1970. 516 с.
43. Ткачева Н.В. Меры пресечения, не связанные с заключением под стражу в уголовном процессе России / Н.В. Ткачева. Челябинск : Южно-Уральский госуниверситет, 2004. 191 с.
44. Токарева М.Е. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам / М.Е. Токарева, Н.В. Буланова, Е.В. Быкова, Н.А. Власова и др. ; под ред. М.Е. Токаревой. М. : Юрлитинформ, 2005. 177 с.
45. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2013. 1007 с.
46. Цибарт Е.Э. Процессуальное положение подозреваемого в российском уголовном процессе / Е.Э. Цибарт. Оренбург : ОГАУ, 2001. 94 с.
47. Шевелева С.В. Уголовно-процессуальное принуждение, связанное с физическим воздействием, гарантии его законности и обоснованности : дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Шевелева. Н. Новгород, 2006. 237 с.
48. Шпилев В.Н. Участники уголовного процесса / В.Н. Шпилев. Минск : Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1970. 176 с.
49. Якимович Ю.К. Участники уголовного процесса / Ю.К. Якимович. СПб. : Юридический центр «Пресс», 2015. 176 с.

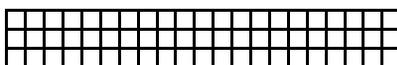
References

1. Avdeev V.N. Podozrevaemy'y v ugovnom sudoproizvodstve Rossii [A Suspect in the Russian Criminal Proceedings] / V.N. Avdeev, F.A. Bogatskiy. Kaliningrad : KYUI MVD Rossii — Kaliningrad : Kaliningrad Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 106 s.
2. Arzumanyan T.M. O figure «podozrevaemogo» [On the Suspect Figure] / T.M. Arzumanyan // Sotsialisticheskaya zakonnost — Socialist Legality. 1956. № 10. S. 21–24.
3. Bagautdinov F.N. Obespechenie publicny'kh i lichny'kh interesov pri rassledovanii prestupleniy [Assurance of Public and Personal Interests at Crime Investigation] / F.N. Bagautdinov. Moskva : Yurilitinform — Moscow : Yurilitinform, 2004. 543 s.
4. Baev O.Ya. Sovremenny'y pravovoy mekhanizm zaderzhaniya podozrevaemogo v sovershenii prestupleniya i problemy' ego sovershenstvovaniya [The Modern Legal Mechanism of Detention of a Person Suspected in Crime Committing and Its Improvement Issues] / O.Ya. Baev, M.O. Baev // Vestnik Voronezhskogo gosuniversiteta. Ser. : Pravo — Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2016. № 2. S. 229–238.
5. Berezin M.N. Zaderzhanie v sovetском ugovnom sudoproizvodstve : uchebno-prakticheskoe posobie [Detention in the Soviet Criminal Proceedings : textbook and practical guide] / M.N. Berezin, I.M. Gutkin, A.A. Chuvilev. Moskva : Akademiya MVD SSSR — Moscow : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1975. 90 s.
6. Berezina E.S. Zaderzhanie podozrevaemogo kak institut ugovnogo sudoproizvodstva : dis. ... kand. jurid. nauk [Suspect Detention as an Institution of Criminal Proceedings : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / E.S. Berezina. Moskva — Moscow, 2009. 234 s.
7. Vasilyeva E.G. Problemy' ogranicheniya neprikosновенности lichnosti v ugovnom protsesse : dis. ... kand. jurid. nauk [Issues of Personal Immunity Limitation in a Criminal Procedure : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / E.G. Vasilyeva. Ufa — Ufa, 2002. 193 s.
8. Volozhkina N.N. Obespechenie konstitutsionnogo prava na neprikosновенност chastnoy zhizni pri proizvodstve predvaritelnogo sledstviya : dis. ... kand. jurid. nauk [Enforcement of the Constitutional Right to Privacy in Carrying out of Preliminary Investigation : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / N.N. Volozhkina. Rostov-na-Donu — Rostov-on-Don, 2000. 199 s.
9. Gavrilov B.Ya. Dosudebnoe proizvodstvo v ugovnom protsesse [Pre-Trial Proceedings in a Criminal Procedure] / B.Ya. Gavrilov, A.A. Ilyukhov, A.M. Novikov, N.V. Osmanova. Moskva : YUNITI-DANA — Moscow : UNITI-DANA, 2015. 222 s.
10. Galkin I.S. Protsessualnoe polozhenie podozrevaemogo [The Procedural Status of a Suspect] / I.S. Galkin, V.G. Kochetkov. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1968. 63 s.

11. Gribunov O.P. Obosnovannost podozreniya kak garantiya zakonnosti ogranicheniya prav i svobod grazhdan pri primenenii mer prinuzhdeniya v ugovolnom sudoproizvodstve [Justification of Suspicion as a Guarantee of Legality of Limitation of Civil Rights and Freedoms in Application of Coercive Measures in Criminal Proceedings] / O.P. Gribunov, V.G. Stepanova // Zakony' Rossii: opyt, analiz, praktika — Russian Laws: Experience, Analysis, Practice. 2018. № 5. S. 13–18.
12. Grigoryev V.N. Zaderzhanie podozrevaemogo [Suspect Detention] / V.N. Grigoryev. Moskva : YurInfor — Moscow : UrInfor, 1999. 541 s.
13. Gutkin I.M. Aktualny'e voprosy' ugovolno-protsessualnogo zaderzhaniya : ucheb. posobie [Relevant Issues of Criminally-Remedial Detention : textbook] / I.M. Gutkin. Moskva : Akademiya MVD SSSR — Moscow : Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1980. 89 s.
14. Gutkin I.M. Mery' presecheniya v sovetskom ugovolnom protsesse [Restrictive Measures in the Soviet Criminal Procedure] / I.M. Gutkin. Moskva : VSH MOOP RSFSR — Moscow : Higher School of the Ministry of Public Order Protection of the RSFSR, 1963. 43 s.
15. Davletov A.A. Podozrenie i zaschita : uchebno-prakticheskoe posobie [Suspicion and Protection : textbook and practical guide] / A.A. Davletov. Ekaterinburg : Prezidium Sverdlovskoy oblastnoy kollegii advokатов — Ekaterinburg : Presidium of the Sverdlovsk Regional Bar Association, 1997.
16. Zaytsev O.A. Podozrevaemy'y v ugovolnom protsesse [A Suspect in a Criminal Procedure] / O.A. Zaytsev, P.A. Smirnov. Moskva : Ekzamen — Moscow : Examination, 2005. 318 s.
17. Zaytseva L.L. Zaderzhanie v ugovolnom protsesse respubliki Belarus [Detention in the Criminal Procedure of the Republic of Belarus] / L.L. Zaytseva, A.G. Purs. Minsk : Kharvest — Minsk : Harvest, 2011. 224 s.
18. Kalinkin A.V. Protседura vy'dvizheniya podozreniya kak garantiya prav lichnosti v ugovolnom sudoproizvodstve : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Suspicion Raising Procedure as a Guarantee of Rights of an Individual in Criminal Proceedings : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / A.V. Kalinkin. Saratov : SGYUA — Saratov : SSLA, 2016. 26 s.
19. Karneeva L.M. K voprosu o podozrevaemom v sovetskom ugovolnom protsesse [On a Suspect in the Soviet Criminal Procedure] / L.M. Karneeva // Sovetskaya kriminalistika na sluzhbe sledstviya : sb. st. Vy'p. XII. Moskva : Gosyurizdat — Soviet Criminalistics Serving Investigation : collection of articles. Is. XII. Moscow : State Publishing House of Legal Literature, 1959.
20. Karneeva L.M. Podozrevaemy'y v sovetskom ugovolnom protsesse [A Suspect in the Soviet Criminal Procedure] / L.M. Karneeva // Sotsialisticheskaya zakonnost — Socialist Legality. 1954. № 4. S. 10–16.
21. Klepov M.N. Teoriya i praktika stanovleniya protsessualnogo statusa podozrevaemogo v rossiyskom ugovolnom sudoproizvodstve : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [The Theory and Practice of Establishment of the Procedural Status of a Suspect in the Russian Criminal Proceedings : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / M.N. Klepov. Moskva — Moscow, 2002. 36 s.
22. Klyukov E.M. Mera protsessualnogo prinuzhdeniya [A Measure of Procedural Coercion] / E.M. Klyukov. Kazan : Kazanskiy gosuniversitet — Kazan : Kazan State University, 1974. 108 s.
23. Kovriga Z.F. Ugolovno-protsessualnoe prinuzhdenie [Criminal Procedure Coercion] / Z.F. Kovriga. Voronezh : Voronezhskiy gosuniversitet — Voronezh : Voronezh State University, 1975. 175 s.
24. Kozlovskiy N.A. Podozrenie v sovetskom ugovolnom protsesse : dis. ... kand. jurid. nauk [Suspicion in the Soviet Criminal Procedure : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / N.A. Kozlovskiy. Sverdlovsk : SYUI — Sverdlovsk : Sverdlovsk Law Institute, 1989. 166 s.
25. Kommentariy k Ugolovno-protsessualnomu kodeksu RF ; otv. red. D.N. Kozak, E.B. Mizulina [A Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation ; publishing editors D.N. Kozak, E.B. Mizulina]. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 2004. 822 s.
26. Kopylova O.P. Mery' prinuzhdeniya v ugovolnom protsesse [Coercive Measures in a Criminal Procedure] / O.P. Kopylova. Tambov : Tambovskiy gosudarstvenny'y tekhnicheskiy universitet — Tambov : Tambov State Technical University, 2011. 120 s.
27. Kornukov V.M. Mery' protsessualnogo prinuzhdeniya v ugovolnom sudoproizvodstve [Procedural Coercion Measures in Criminal Proceedings] / V.M. Kornukov. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta — Saratov : Publishing house of the Saratov University, 1978. 136 s.
28. Kurs sovetskogo ugovolnogo protsesssa. Obschaya chast ; pod red. A.D. Boykova, I.I. Karpetsa [A Course of the Soviet Criminal Procedure. The General Part ; edited by A.D. Boykov, I.I. Karpets]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1989. 638 s.
29. Kurs ugovolnogo protsesssa ; pod red. L.V. Golovko [A Criminal Procedure Course ; edited by L.V. Golovko]. Moskva : Statut — Moscow : Statute, 2016. 1276 s.
30. Livshits Yu.D. Mery' presecheniya v sovetskom ugovolnom protsesse [Restrictive Measures in the Soviet Criminal Procedure] / Yu.D. Livshits. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1964. 138 s.
31. Livshits Yu.D. Mery' presecheniya i zaderzhanie v sovetskom ugovolnom protsesse [Restrictive Measures and Detention in the Soviet Criminal Procedure] / Yu.D. Livshits, A.Ya. Ginzburg. Alma-Ata : Alma-Atinskoe otdelenie FZO VSH MVD SSSR — Alma-Ata : Alma-Ata branch of the Extramural Faculty of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1961.
32. Lugovets N.V. Zaderzhanie podozrevaemogo i iny'e mery' protsessualnogo prinuzhdeniya : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Suspect Detention and Other Measures of Procedural Coercion : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / N.V. Lugovets. Saratov : SYUI MVD Rossii — Saratov : Saratov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. 26 s.
33. Mikhaylov V.A. Metodologicheskie osnovy' mer presecheniya [Methodological Bases of Restrictive Measures] / V.A. Mikhaylov. Moskva : Akademiya upravleniya MVD Rossii — Moscow : Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 1998. 188 s.
34. Muravyev K.V. Mery' ugovolno-protsessualnogo prinuzhdeniya — osoby'e sredstva ugovolno-pravovogo vozdeystviya: doktrina, primeneniye, optimizatsiya [Measures of Criminal Procedure Coercion as Special Means of Criminal Law Impact: The Doctrine, Application, Optimization] / K.V. Muravyev. Omsk : Omskaya akademiya MVD Rossii — Omsk : Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2017. 226 s.
35. Olshevskiy A.V. Zaderzhanie podozrevaemogo kak mera ugovolno-protsessualnogo prinuzhdeniya : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Suspect Detention as a Measure of Criminal Procedure Coercion : author's abstract of thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / A.V. Olshevskiy. Moskva — Moscow, 2006. 25 s.

36. Pantelev I.A. Problemy' sovershenstvovaniya instituta podozreniya v ugovnom protsesse Rossii : dis. ... kand. jurid. nauk [Issues of Improvement of the Institution of Suspicion in the Russian Criminal Procedure : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / I.A. Pantelev. Ekaterinburg — Ekaterinburg, 2000. 160 s.
37. Retyunskikh I.A. Ob osnovaniyakh zaderzhaniya litsa, podozrevaemogo v sovershenii prestupleniya [On the Grounds for Detention of a Person Suspected in Committing a Crime] / I.A. Retyunskikh // Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii — Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 2016. № 1. S. 18–21.
38. Solovyev A.D. Zaderzhanie podozrevaemogo i primeneniye mer presecheniya ; otv. red. I.D. Bondarenko [Suspect Detention and Application of Restrictive Measures ; publishing editor I.D. Bondarenko] / A.D. Solovyev, I.A. Gelfand. Kiev : MOOP Ukrainy SSR — Kiev : Ministry of Public Order Protection of the Ukrainian Soviet Socialist Republic, 1964.
39. Sopneva E.V. Zapodozrenny'y kak sposob vy'razheniya podozreniya [A Suspect as a Suspicion Display Means] / E.V. Sopneva // Aktualny'e problemy' rossiyskogo prava — Relevant Issues of Russian Law. 2014. № 7 (44). S. 1474–1480.
40. Sopneva E.V. Statusy' podozreniya i obvineniya v ugovnom sudoproizvodstve [Statuses of Suspicion and Accusation in Criminal Proceedings] / E.V. Sopneva // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2015. № 7. S. 105–113.
41. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa : v 2 t. [A Course of Soviet Criminal Procedure : in 2 vol.] / M.S. Strogovich. T. 1 : Osnovny'e polozheniya nauki sovetskogo ugovnogo protsessa [Vol. 1 : The Key Provisions of the Soviet Criminal Procedure Science]. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1968. 470 s.
42. Strogovich M.S. Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa : v 2 t. [A Course of Soviet Criminal Procedure : in 2 vol.] / M.S. Strogovich. T. 2 : Poryadok proizvodstva po ugovny'm delam po sovetskomu ugovno-protsessualnomu pravu [Vol. 2 : Criminal Case Proceedings under the Soviet Criminal Procedure Law]. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1970. 516 s.
43. Tkacheva N.V. Mery' presecheniya, ne svyazanny'e s zaklyucheniem pod strazhu v ugovnom protsesse Rossii [Restrictive Measures not Related to Detention in the Russian Criminal Procedure] / N.V. Tkacheva. Chelyabinsk : Yuzhno-Uralskiy gosuniversitet — Chelyabinsk : South Ural State University, 2004. 191 s.
44. Tokareva M.E. Mery' protsessualnogo prinuzhdeniya v dosudebnom proizvodstve po ugovny'm delam ; pod red. M.E. Tokarevoy [Measures of Procedural Coercion in Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases ; edited by M.E. Tokareva] / M.E. Tokareva, N.V. Bulanova, E.V. Bykova, N.A. Vlasova i dr. Moskva : Yurlitinform — Moscow : Yurlitinform, 2005. 177 s.
45. Ugovno-protsessualnoye pravo Rossiyskoy Federatsii : uchebnik ; otv. red. P.A. Lupinskaya, L.A. Voskobitova. 3-e izd., pererab. i dop. [Criminal Procedure Law of the Russian Federation : textbook ; publishing editors P.A. Lupinskaya, L.A. Voskobitova. 3rd edition, revised and enlarged]. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2013. 1007 s.
46. Tsibart E.E. Protsessualnoye polozheniye podozrevaemogo v rossiyskom ugovnom protsesse [The Procedural Status of a Suspect in the Russian Criminal Procedure] / E.E. Tsibart. Orenburg : OGAU — Orenburg : Orenburg SAU, 2001. 94 s.
47. Sheveleva S.V. Ugovno-protsessualnoye prinuzhdeniye, svyazannoye s fizicheskim vozdeystviem, garantii ego zakonnosti i obosnovannosti : dis. ... kand. jurid. nauk [Criminal Procedure Coercion Involving Force, Guarantees of Its Legality and Justification : thesis of ... Candidate of Legal Sciences] / S.V. Sheveleva. Nizhny Novgorod — Nizhny Novgorod, 2006. 237 s.
48. Shpilev V.N. Uchastniki ugovnogo protsessa [Criminal Procedure Participants] / V.N. Shpilev. Minsk : Belorusskiy gosuniversitet imeni V.I. Lenina — Minsk : V.I. Lenin Belarus State University, 1970. 176 s.
49. Yakimovich Yu.K. Uchastniki ugovnogo protsessa [Criminal Procedure Participants] / Yu.K. Yakimovich. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiy tsentr «Press» — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2015. 176 s.

**Издательская группа «Юрист» продолжает подписку
на комплект «Библиотека юридического вуза» на первое полугодие 2019 г.**

Уважаемые читатели!

Предлагаем вам оформить подписку на комплект «Библиотека юридического вуза».

В комплект входят издания:

- «Арбитражный и гражданский процесс»,
- «Гражданское право»,
- «Информационное право»,
- «История государства и права»,
- «Конституционное и муниципальное право»,
- «Международное публичное и частное право»,
- «Семейное и жилищное право»,
- «Трудовое право в России и за рубежом»,
- «Финансовое право»,
- «Юридическое образование и наука»,
- «Юрист».

С условиями подписки рекомендуем ознакомиться на сайте ИГ «Юрист»: www.lawinfo.ru в разделе «Подписка».

Наш адрес:

115035, г. Москва, Космодамианская набережная, д. 26/55, стр. 7

Телефон: 8(495) 617-18-88

E-mail: podpiska@lawinfo.ru

DOI : 10.18572/1813-1190-2019-2-28-31

Анализ юридической природы условного осуждения

Горшенин А.А.*

Цель. На сегодняшний день среди ученых продолжаются дискуссии, связанные с юридической природой условного осуждения. От ее правильного понимания зависит деятельность правоприменительных органов, правомерность назначения, исполнения, а также освобождения от отбывания наказания. Целью статьи является анализ точек зрения ученых о юридической природе условного осуждения. **Методология:** при написании статьи применялись диалектический, формально-логический функциональный и другие общенаучные методы исследования, а также специально-юридические методы: сравнительно-правовой и формально-юридический. **Выводы.** Исследование позволило выявить юридическую природу условного осуждения. Было установлено, что условное осуждение необходимо относить к условным видам освобождения от отбывания наказания. Условность освобождения заключается в том, что возможно реальное исполнение назначенного наказания в случае уклонения условно осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей. **Научная и практическая значимость.** Определение юридической природы условного осуждения позволит выработать пути совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: условное осуждение, реализация уголовной ответственности, освобождение от наказания, освобождение от отбывания наказания.

An Analysis of the Legal Nature of Probation

Gorshenin A.A.**

Purpose. Today, among scientists, discussions continue regarding the legal nature of conditional sentencing. From its correct understanding depends the activities of law enforcement agencies, the legality of appointment, execution, as well as release from serving a sentence. The aim of the article is to analyze the views of scientists on the legal nature of conditional conviction. **Methodology:** when writing the article, dialectical, formal-logical functional and other general scientific methods of research were applied, as well as specially-legal methods: comparative legal and formal-legal. **Conclusions.** The investigation made it possible to reveal the legal nature of conditional conviction. It was found that conditional condemnation must be attributed to conditional forms of release from serving a sentence. The conditional nature of the release is that it is possible to execute the punishment in a realistic manner in the event that the conditionally convicted person evades fulfillment of the duties assigned to him by the court. **Scientific and practical significance.** The definition of the legal nature of conditional sentencing will help to develop ways to improve criminal legislation.

Keywords: conditional conviction, realization of criminal responsibility, release from punishment, release from serving a sentence.

Несмотря на то что институт условного осуждения регламентирован уголовным законодательством продолжительный период времени, до сих пор дискуссионными являются вопросы о его юридической природе. Без ее правильного понимания невозможно в полной мере раскрыть сущность института условного осуждения, основания применения и требования, которые необходимо выполнять в течение испытательного срока.

Для правильного понимания понятия условного осуждения и его правовой природы следует проанализировать отдельные труды ученых.

По мнению Я.А. Бойченко, условное осуждение по всем признакам соотносится с понятием наказания¹. С.А. Лаптев также считает, что данная мера относится к

наказанию. Более того, он считает необходимым преобразование условного осуждения в самостоятельное уголовное наказание с добавлением к нему ограничений в отношении категорий преступлений, за которые оно будет назначаться².

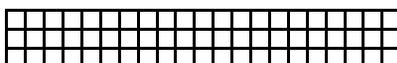
Доводы, согласно которым условное осуждение является наказанием, обычно сводятся к следующему: оно является мерой государственного принуждения, как и остальные виды наказаний; решает цели, свойственные только ему; оно так же, как и наказание, содержит элементы принуждения (это относится к требованию о поведении лица в период испытательного срока — вести себя определенным образом).

¹ Бойченко Я.А. К вопросу об условном осуждении // Вестник современных исследований. 2017. № 3 (6). С. 208.

² Лаптев С.А. Условное осуждение или ограничение свободы // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 1. С. 14.

* ГОРШЕНИН АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ, доцент кафедры уголовного права и процесса Ульяновского государственного университета, кандидат юридических наук, goral1980@rambler.ru

** GORSHENIN ALEKSANDR A., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Ulyanovsk State University, Candidate of Legal Sciences

С приведенными мнениями согласится довольно трудно. Если суд признает лицо виновным в совершении преступления, то он назначит ему наказание. Согласно уголовному закону перечень видов наказаний, указанных в ст. 44 УК РФ, не является открытым. Об условном осуждении в данной статье не упоминается. После того как постановлен обвинительный приговор с назначением конкретного вида и размера наказания, суд постановляет считать это назначенное наказание условным.

Отдельные авторы полагают, что рассматриваемый институт является отсрочкой приведения наказания в исполнение³.

По нашему мнению, это позиция противоречива. Отсрочка прежде всего предполагает, что наказание будет применено (приведено в исполнение) только по прошествии определенного периода времени. При этом его исполнение откладывается в силу наличия каких-либо обстоятельств (наличие малолетних детей, наличие заболевания — наркомания), не позволяющих исполнить приговор немедленно. Именно в этом заключается суть отсрочки отбывания наказания. При условном осуждении также существует вероятность приведения приговора в исполнение. Однако назначая его, суд исходит из факта, что осужденный в период испытательного срока может исправиться самостоятельно, выполняя определенные требования к его поведению.

Отдельные ученые видят в условном осуждении некий особенный порядок отбывания наказания, когда приговор не приводится в исполнение⁴.

Данную позицию достаточно трудно признать соответствующей с действующим законодательством. Приговор при условном осуждении приводится в исполнение. При условном осуждении наказание в обвинительном приговоре суда назначается, но оно не приводится в исполнение. Именно не приводится в исполнение наказание (оно условно), а не приговор. Поэтому ни о каком особом порядке исполнения наказания речи вести не может.

Часть исследователей утверждает, что исследуемая мера представляет собой не что иное, как форму реализации уголовной ответственности. По их мнению, она заключается в освобождении лица от отбывания основного вида наказания с применением к нему рестриктивных мер, распространяющихся на весь период испытательного срока. При этом возможно применение дополнительных видов наказания⁵.

³ Новиков В.А. Условное осуждение: современные тенденции и пути совершенствования закона // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 38–39.

⁴ Пронников В.В. Содержание условного осуждения и пути оптимизации его назначения // Российская юстиция. 2007. № 7. С. 37.

⁵ Медведев Е.В. Понятие и сущность условного осуждения как инструмента уголовно-правового воздействия // Общество и право. 2010. № 2. С. 108.

С такого рода утверждением также не представляется возможным согласиться. Общеизвестно, что уголовная ответственность реализуется в одной из двух форм — осуждение с назначением наказания и осуждение без назначения наказания. При этом считать, что условное осуждение является только лишь формой реализации уголовной ответственности, несколько абстрактно и не раскрывает полностью юридическую природу данного института. Также к своеобразным формам реализации уголовной ответственности можно относить и условно-досрочное освобождение, и отсрочку отбывания наказания. Но все они суть осуждения с назначением наказания.

Наиболее приемлемой выглядит трактовка правовой природы условного осуждения, согласно которой оно рассматривается как условное освобождение от отбывания наказания, назначенного приговором суда.

И.Я. Козаченко придерживается мнения, исходя из которого можно заключить, что условное осуждение — неприведение приговора суда в исполнение под условием. Условием выступает здесь факт исправления осужденного на основе оценки его поведения в период испытательного срока⁶.

Таким образом, условное осуждение необходимо относить к условным видам освобождения от отбывания наказания. Условность освобождения заключается в том, что возможно реальное исполнение назначенного наказания (неисполнение обязанностей в период испытательного срока, совершение нового преступления).

Исходя из сказанного, осуждение под условием невозможно признать одним из видов освобождения от наказания, поскольку оно уже назначено в обвинительном приговоре суда. Условное осуждение, на наш взгляд, является не чем иным, как видом освобождения от отбывания наказания.

Как известно, кроме освобождения от наказания УК РФ известно еще одно понятие — «освобождение от отбывания наказания». В частности, оно используется при конструировании ст. 79 УК РФ. Данное лексическое словосочетание впервые было использовано в ст. 46 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.⁷ При этом до настоящего времени не выработано четких критериев, на основе которых можно было бы отграничить указанные институты друг от друга.

В уголовно-правовой литературе можно встретить синонимы этой лексической конструкции, например, ос-

⁶ Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008. 720 с.

⁷ Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6.

вобожде-ние от дальнейшего отбывания наказания⁸, освобождение от продолжения отбывания наказания⁹, освобождение от исполнения наказания¹⁰.

По нашему мнению, приведенные формулировки не в полной мере отражают сущность института освобождения от отбывания наказания либо искажают ее. Употребление слов «дальнейшего» или «продолжения» излишне, поскольку «отбывание» как термин и так предполагает процесс исполнения какой-либо обязанности, а указанные языковые единицы не добавляют ничего нового. Некорректен данный оборот и с позиции действующего УК РФ, поскольку уголовный закон предусматривает случаи освобождения от отбывания наказания, неблагоприятные последствия которого лицо еще не начало претерпевать, как это имеет место быть при отсрочке отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей. В данном случае ни о каком дальнейшем отбывании не может быть речи.

При применении такого термина, как «освобождение от исполнения наказания», не учитывается сущность уголовно-исполнительного правоотношения, когда нака-

зание исполняют специализированные государственные учреждения и органы, а осужденные могут только отбывать его. Указанные органы от выполнения возложенной на них функции не могут быть освобождены априори, поскольку это является их одной из основных задач.

На наш взгляд, разграничить институты освобождения от наказания и освобождение от отбывания наказания можно на основе такого критерия, как факт наличия или отсутствия в постановленном судом обвинительном приговоре наказания. Если наказание имеет место быть, то освободить лицо возможно только лишь от отбывания наказания. При постановлении же обвинительного приговора суда без назначения наказания речь должна идти исключительно об освобождении от наказания.

Условное осуждение отвечает выделенному критерию — суд постановляет обвинительный приговор с назначением наказания.

Анализ юридической природы условного осуждения позволил сделать следующие выводы:

— отсутствует единый подход к пониманию юридической природы условного осуждения среди ученых;

— условное осуждение целесообразно относить к условным видам освобождения от отбывания наказания;

— условность освобождения заключается в том, что возможно реальное исполнение назначенного наказания в случае уклонения условно осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей.

⁸ Скибицкий В.В. Освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания. Киев : Наукова думка, 1987. С. 22.

⁹ Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г.А. Кригера, Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского и др. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во МГУ, 1988. С. 284.

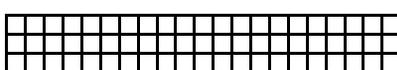
¹⁰ Иногамова Л.В. Конкуренция норм о погашении судимости // Правоведение. 1999. № 4. С. 215–216.

Литература

1. Бойченко Я.А. К вопросу об условном осуждении / Я.А. Бойченко // Вестник современных исследований. 2017. № 3 (6). С. 206–208.
2. Иногамова Л.В. Конкуренция норм о погашении судимости / Л.В. Иногамова // Правоведение. 1999. № 4. С. 215–216.
3. Лаптев С.А. Условное осуждение или ограничение свободы / С.А. Лаптев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 1. С. 12–18.
4. Медведев Е.В. Понятие и сущность условного осуждения как инструмента уголовно-правового воздействия / Е.В. Медведев // Общество и право. 2010. № 2. С. 107–111.
5. Новиков В.А. Условное осуждение: современные тенденции и пути совершенствования закона / В.А. Новиков // Журнал российского права. 2005. № 11. С. 38–40.
6. Пронников В.В. Содержание условного осуждения и пути оптимизации его назначения / В.В. Пронников // Российская юстиция. 2007. № 7. С. 37–39.
7. Скибицкий В.В. Освобождение от уголовной ответственности и отбывания наказания / В.В. Скибицкий. Киев : Наукова думка, 1987. 181 с.
8. Советское уголовное право. Общая часть / под ред. Г.А. Кригера, Н.Ф. Кузнецовой, Ю.М. Ткачевского и др. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Изд-во МГУ, 1988. 367 с.
9. Уголовное право. Общая часть : учебник / отв. ред. И.Я. Козаченко. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2008. 720 с.

References

1. Boychenko Ya.A. K voprosu ob uslovnom osuzhdenii [On Probation] / Ya.A. Boychenko // Vestnik sovremenny'kh issledovaniy — Bulletin of Modern Research. 2017. № 3 (6). S. 206–208.
2. Inogamova L.V. Konkurentsiya norm o pogashenii sudimosti [Collision between Expungement Provisions] / L.V. Inogamova // Pravovedenie — Legal Studies. 1999. № 4. S. 215–216.
3. Laptev S.A. Uslovnnoe osuzhdenie ili ogranichenie svobody' [A Probation or a Limitation of Freedom] / S.A. Laptev // Uголовно-исполнителная система: право, экономика, управление — Penal System: Law, Economics, Management. 2013. № 1. S. 12–18.
4. Medvedev E.V. Ponyatie i sushnost uslovnogo osuzhdeniya kak instrumenta uголовно-pravovogo vozdeystviya [The Concept and Essence of Probation as an Instrument of Criminal Law Influence] / E.V. Medvedev // Obschestvo i pravo — Society and Law. 2010. № 2. S. 107–111.
5. Novikov V.A. Uslovnnoe osuzhdenie: sovremennye tendentsii i puti sovershenstvovaniya zakona [Probation: Modern Tendencies and Law Improvement Ways] / V.A. Novikov // Zhurnal rossiyskogo prava — Russian Law Journal. 2005. № 11. S. 38–40.
6. Pronnikov V.V. Soderzhanie uslovnogo osuzhdeniya i puti optimizatsii ego naznacheniya [The Essence of Probation and Ways to Optimize Its Imposition] / V.V. Pronnikov // Rossiyskaya yustitsiya — Russian Justice. 2007. № 7. S. 37–39.

7. Skibitskiy V.V. Osvobozhdenie ot ugovnoy otvetstvennosti i otby'vaniya nakazaniya [Release from Criminal Liability and Sentence Serving] / V.V. Skibitskiy. Kiev : Naukova dumka — Kiev : Scientific Thought, 1987. 181 s.
8. Sovetskoe ugovnoe pravo. Obschaya chast ; pod red. G.A. Krigera, N.F. Kuznetsovoy, Yu.M. Tkachevskogo i dr. 2-e izd., pererab. i dop. [The Soviet Criminal Law. The General Part ; edited by G.A. Kriger, N.F. Kuznetsova, Yu.M. Tkachevskiy et al. 2nd edition, revised and enlarged]. Moskva : Izd-vo MGU — Moscow : Publishing house of the Lomonosov MSU, 1988. 367 s.
9. Ugolovnoe pravo. Obschaya chast : uchebnik ; otv. red. I.Ya. Kozachenko. 4-e izd., pererab. i dop. [Criminal Law. The General Part : textbook ; publishing editor I.Ya. Kozachenko. 4th edition, revised and enlarged]. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2008. 720 s.

DOI : 10.18572/1813-1190-2019-2-31-35

Криптографическая информация в системе криминалистических знаний

Зиновьева Н.С.*

Цель. Формирование научных представлений о месте и значении криптографической информации в системе криминалистических знаний. Методы криптографии и стеганографии, применяемые в процессе передачи и хранения информации в преступных целях. **Методология:** метод диалектического познания, анализ, синтез, историко-правовой метод, метод системного анализа. **Выводы.** В криминалистической теории категория «информация» является непосредственным объектом научного интереса, однако единый подход к ее пониманию пока еще не выработан. В криминалистической науке информация рассматривается в двух аспектах: как криминалистическая и как криминалистически значимая. Несмотря на незначительное расхождение в наименовании этих категорий, их содержание различно. Наряду с традиционной классификацией информации в криминалистике относительно недавно сформировался ее новый вид — компьютерная информация, ставшая предметом исследования. Дальнейшее технологическое развитие создало предпосылки для передачи компьютерной информации в зашифрованном виде в преступных целях с применением методов криптографии и стеганографии, поэтому одной из важных задач криминалистической науки является разработка научно обоснованных рекомендаций по обнаружению, фиксации, изъятию и использованию зашифрованной информации в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. На этой основе предлагается авторское определение криптографической информации. **Научная и практическая значимость.** Определение компьютерной информации в криминалистике позволит выработать пути ее обнаружения и изъятия в целях расследования преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая информация, криминалистически значимая информация, криптография, стеганография, раскрытие и расследование преступлений, информационно-телекоммуникационные технологии, Интернет, криминалистические знания.

Cryptographic Information in the System of Criminalistic Knowledge

Zinovyeva N.S.**

Purpose. The formation of scientific ideas about the place and importance of cryptographic information in the system of forensic knowledge. Methods of cryptography and steganography used in the transmission and storage of information for criminal purposes. **Methodology:** method of dialectical cognition, analysis, synthesis, historical and legal methods, method of system analysis. **Conclusions.** In forensic theory, such a category as “information” is a direct object of scientific interest, but a unified approach to its understanding has not yet been developed. In forensic science information is considered in two aspects: as forensic and as forensically significant, which differ from each other. Along with the traditional classification of types of information in criminology has recently formed a new kind of it — computer information, which was further distributed as a subject of research. Further technological development has created the preconditions for the transmission of computer information in encrypted form for criminal purposes using cryptography and steganography. Therefore, one of the important tasks of forensic science is to develop evidence-based recommendations for the detection, recording, seizure and use of encrypted information for the purpose of disclosure, investigation and prevention of crimes. **Scientific and practical significance.** On this basis, the author’s definition of cryptographic information is proposed.

Keywords: forensic information, forensically relevant information, cryptography, steganography, crime detection and investigation, information and telecommunication technologies, Internet, forensic knowledge.

* **ЗИНОВЬЕВА НИНА СЕРГЕЕВНА**, адъюнкт кафедры криминалистики Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации, 3286176@mail.ru

** **ZINOVYEVA NINA S.**, Junior Scientific Assistant of the Department of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Информация, как коммуникативный компонент, трансформировалась из простой системы передачи сведений между субъектами общественных отношений в объект познания некоторых наук, к числу которых относится криминалистика.

Одним из элементов предмета криминалистики является механизм преступления, установление которого возможно при знании фактических данных о преступлении, т.е. информации, которая в определенном законном порядке признана доказательством¹. Возникновение информации о преступлении в криминалистике рассматривается через закон диалектики, согласно которому событие преступления — это материальный процесс, находящийся в связи и взаимообусловленности с другими процессами и порождающий изменения в окружающей среде. Взаимодействие между участниками события преступления в окружающей среде образует механизм преступления, который обуславливает возникновение носителей криминалистически значимой информации о преступлении и его участниках, а сама информация может иметь любую форму выражения. Механизм преступления отображается в изменениях (следах, отпечатках). Изменения несут в себе сведения обо всех процессах отражения, результатом которого они являются. Изменения являются материальным носителем, «хранилищем» информации о событии, т.е. содержат информацию о механизме совершенного преступления². При таком подходе материально выраженную форму информации можно рассматривать как знак. Анализируя использование знаковых систем в криминалистике, Р.С. Белкин приводит слова П.В. Копнина, который отмечал, что под знаком «подразумевают чувственно воспринимаемый предмет (звук, рисунок и т.п.), который в процессе познания используется для хранения, закрепления, преобразования и передачи информации»³. В.Ю. Толстолицкий утверждает, что «знаками являются не только искусственно созданные в криминалистике знаковые системы, но и сами материальные следы (например, отпечатки пальцев)»⁴. Следовательно, одна и та же информация может быть представлена в разных формах с определенным набором знаков. Разнообразие форм выражения делает информацию доступной для различных субъектов. Для осуществления передачи информации от одного субъекта к другому необходимо выполнить преобразование инфор-

мации из одной ее формы представления в другую, наиболее удобную для ее хранения, передачи или обработки при помощи процессов кодирования и декодирования. Способы кодирования и декодирования различны и зависят от цели.

Как видно, хранение, передача и обработка информации являются непосредственными объектами познания криминалистической науки, где им уделяется большое внимание в ходе научно-теоретических и прикладных исследований. Тем не менее, занимая законное место в данной науке, теория информации нуждается в дальнейшем осмыслении и выработке единого подхода к понятию «информация», который до настоящего времени не определен.

В криминалистической науке информация рассматривается в нескольких аспектах. В научной литературе распространены понятия «судебная информация» и «доказательственная информация». Наряду с ними широкое распространение получили категории «криминалистическая информация» и «криминалистически значимая информация». Раскрывая сущность данных понятий, авторы стремятся определить научно-теоретическое и прикладное значение, конкретизируя определенную ориентированно целевую структуру информации с позиции того или иного аспекта. Не вдаваясь в глубокий анализ такой важной для криминалистической науки категории, как «информация», кратко остановимся на криминалистической и криминалистически значимой информации, поскольку именно эти два понятия вызывают наибольшие споры на страницах научных изданий.

Несмотря на незначительное расхождение в наименовании этих категорий, их содержание различно. Под криминалистически значимой информацией А.Ф. Волынский и Е.Р. Россинская понимают «фактические данные или сведения, находящиеся в причинно-следственной связи с событием преступления и характеризующие способ его совершения, лиц, его совершивших, предметы преступного посягательства, орудия преступления и т.п. обстоятельства». При этом источниками криминалистически значимой информации являются любые материальные и идеальные следы преступлений, а соответственно, и все следообразующие объекты⁵.

Под криминалистической информацией А.В. Лапин понимает «любые сведения доказательственного, оперативного, тактического, организационного характера, а также профессиональные знания следователя и иных участников расследования, вовлеченных в сферу борьбы с преступностью с целью оптимального решения задач уголовного судопроизводства»⁶.

¹ Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 1 : Общая теория криминалистики. М. : Юристъ, 1997. С. 118.

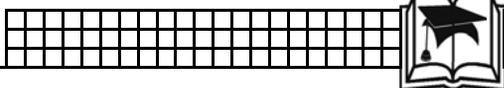
² Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М. : [б. и.], 1970. С. 11.

³ Белкин Р.С. Курс криминалистики... Т. 1. С. 327.

⁴ Толстолицкий В.Ю. Криминалистическая диагностика и семиотика // Вестник Удмуртского университета. 2002. № 4. С. 187.

⁵ Волынский А.Ф., Россинская Е.Р. Криминалистическая регистрация. М. : ВЮЗШ МВД России, 1992. С. 137.

⁶ Лапин А.В. Теория информации и некоторые вопросы расследования преступлений // Вестник Белорусского университета им. В.И. Ленина. 1987. Сер. 3. С. 7.

Таким образом, в упрощенном виде криминалистически значимая информация — это совокупность сведений о преступлении, а криминалистическая информация — это сведения, полученные в результате проведения следственных действий, которые при должном процессуальном закреплении могут выступать доказательствами по уголовному делу. Следовательно, понятие «криминалистически значимая информация» шире по объему, а криминалистическая информация является в основном ее составляющей частью. При этом ученые классифицируют информацию, попадающую в сферу интересов криминалистики, по теоретическим и практическим критериям. Эти критерии характеризуют информацию в традиционном ее понимании, т.е. как сведения, находящиеся в причинно-следственной связи с событием преступления.

Следует отметить, что с развитием науки и техники увеличивается число технических средств, используемых для получения, фиксации, сохранения и распространения значимой для раскрытия преступления информации, которые в дальнейшем становятся традиционными. Так, в течение последних 15–20 лет по мере компьютеризации хозяйственно-управленческой и финансово-коммерческой деятельности появился новый вид информации — компьютерная.

Впервые о вопросах, связанных с компьютерной информацией, отечественная криминалистическая наука официально заявила в июле 1992 г. на межведомственном семинаре «Криминалистика и компьютерная преступность», организованном в рамках координационного бюро по криминалистике при Научно-исследовательском институте проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ и Экспертно-криминалистического центра МВД России.

Далее вопрос определения понятия и сущности компьютерной информации исследовался Р.С. Белкиным, В.А. Мещеряковым, А.Л. Осипенко, В.Б. Веховым, А.И. Трусовым, В.В. Крыловым. Были разработаны частные криминалистические теории и даны определения компьютерной информации, что в последующем помогло более эффективно получать значимую для раскрытия преступления информацию.

Изучая проблематику понятия и сущности компьютерной информации, В.Б. Вехов проанализировал содержание ряда научных источников, нормативных правовых актов и сформулировал авторское определение компьютерной информации, под которой автор понимает «сведения (сообщения, данные), находящиеся в электронно-цифровой форме, зафиксированные на материальном носителе с помощью электромагнитных

взаимодействий либо переданные по каналам связи посредством электромагнитных сигналов»⁷.

В.А. Мещеряков, опираясь на требования современности с учетом развития средств информатизации и телекоммуникации, ввел в криминалистику частную криминалистическую теорию расследования преступлений в сфере компьютерной информации — «цифровая криминалистика». Данная теория рассматривает «комплекс механизмов образования следов противоправной деятельности в кибернетическом пространстве, методы и приемы их обнаружения, фиксации и исследования, а также способы рациональной организации расследования преступлений в сфере компьютерной информации»⁸. В.А. Мещеряков дал определение компьютерной информации в криминалистике, под которой понимается «информация, представленная в специальном (машинном) виде, предназначенном и пригодном для ее автоматизированной обработки, хранения и передачи, находящаяся на материальном носителе и имеющая собственника, установившего порядок ее создания (генерации), обработки, передачи и уничтожения»⁹.

По мнению А.Л. Осипенко, «под компьютерной информацией понимает не какой-то особый вид информации, а специфическую форму ее представления, приспособленную для обработки в компьютерных устройствах, передачи по каналам связи и хранения на специализированных носителях. При этом он вносит уточнение, что правильнее было бы говорить даже не об информации, а о данных, которые становятся информацией только при их осмыслении, помещении в определенный контекст»¹⁰.

Широкое внедрение телекоммуникационных технологий сегодня формирует в интернет-пространстве информацию, которая имеет значение для раскрытия и расследования преступлений в зашифрованном виде и не всегда на материальном носителе. Все чаще для совершения преступлений используется интернет-пространство, а для сокрытия информации, имеющей значение для раскрытия и расследования преступлений, преступники используют мессенджеры зашифрованных сообщений, такие как Telegram, WhatsApp, распространяют информацию в «Даркнете», где не только шифруются сведе-

⁷ Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств обработки: монография. Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2008. С. 71.

⁸ Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2002. С. 51.

⁹ Там же. С. 57.

¹⁰ Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 85.

ния, но и скрываются IP-адреса реальных пользователей, что позволяет безнаказанно совершать преступные деяния. Легализуются преступные доходы через блокчейн-технологии с использованием криптовалюты, где информация также подлежит шифрованию. Шифрование информации в перечисленных технологиях осуществляется с применением методов криптографии и стеганографии.

Криптография и стеганография представляют собой два метода сокрытия сообщений, которые хотя и взаимно дополняют друг друга, тем не менее идентичными не являются.

Криптография при помощи шифрования изменяет содержание послания или файла так, что оно становится нечитаемым для неавторизованного получателя в передаваемой системе. Авторизованный получатель имеет специальный ключ, используя который можно прочитать файл в том виде, в котором он изначально создавался и отправлялся. Отправку и получение зашифрованных сообщений легко отследить, так как они не скрываются. Если взломщику станет известно средство, которое использовалось при шифровании, то он очень быстро сможет подобрать ключ для расшифровки сообщения.

Стеганография скрывает сам факт отправки послания или файла от неавторизованного пользователя. Стеганографию используют наряду с шифрованием. Благодаря такой комбинации закодированное и невидимое сообщение становится полностью защищенным от перехвата. Существуют разнообразные методы стеганографии, позволяющие скрыть послание или файл, но наиболее популярным в настоящее время является метод, скрывающий сообщения в компьютерных файлах (контейнерах). Секретная информация вставляется, например, в текстовый файл, в файлы изображения или даже в часть IP-пакетов.

На основании изложенного можно сделать вывод, что целью криптографии является сокрытие содержимого со-

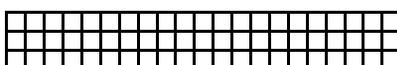
общений за счет их шифрования, а стеганографии — самого существования сообщения. Стеганографию обычно используют совместно с методами криптографии, таким образом дополняя ее. Методы криптографии и стеганографии сегодня все чаще применяются в целях совершения преступлений, а информация, зашифрованная и скрытая средствами данных методов, имеет значение для раскрытия преступлений. Зашифрованная или скрытая обозначенными методами информация формирует специфическую следовую картину в математической форме с определенным набором знаков. В связи с этим в криминалистической науке необходимо разработать научно обоснованные рекомендации по обнаружению, фиксации, изъятию и использованию зашифрованной информации в криминалистических целях. Вместе с тем следует расширить методологическую основу информации как научной категории, поскольку традиционные представления о ней не охватывают особенности отражения и познания зашифрованной информации, тогда как криминалистическая практика свидетельствует о существовании объективной потребности наличия таких знаний у субъектов раскрытия и расследования преступлений. Кроме того, систему криминалистических знаний необходимо дополнить уточненными данными о сущности и значении зашифрованной информации. Вместе с тем сокрытие (шифровка) информации и ее передача осуществляются посредством методов криптографии и стеганографии, следовательно, в целях расширения сферы научных криминалистических знаний в данном аспекте предлагаем авторское определение криптографической информации, под которой следует понимать зашифрованные математическими алгоритмами сведения (сообщения, данные), не зафиксированные на материальных носителях, передача и хранение которых осуществляются в интернет-пространстве с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р.С. Белкин. Т. 1 : Общая теория криминалистики. М. : Юрист, 1997. 408 с.
2. Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики / Р.С. Белкин. М. : [б. и.], 1970. 130 с.
3. Вехов В.Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств обработки : монография / В.Б. Вехов. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2008. 401 с.
4. Волинский А.Ф. Криминалистическая регистрация / А.Ф. Волинский, Е.Р. Россинская. М. : ВЮЗШ МВД России, 1992. 65 с.
5. Лапин А.В. Теория информации и некоторые вопросы расследования преступлений / А.В. Лапин // Вестник Белорусского университета им. В.И. Ленина. 1987. Сер. 3. С. 7–8.
6. Мещеряков В.А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : дис. ... д-ра юрид. наук / В.А. Мещеряков. Воронеж, 2001. 387 с.
7. Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления / А.Л. Осипенко // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 83–90.
8. Толстолуцкий В.Ю. Криминалистическая диагностика и семиотика / В.Ю. Толстолуцкий // Вестник Удмуртского университета. 2002. № 4. С. 220.

References

1. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki : v 3 t. T. 1 : Obschaya teoriya kriminalistiki [A Course of Criminalistics : in 3 vol. Vol. 1 : The General Theory of Criminalistics] / R.S. Belkin. Moskva : Yurist — Moscow : Lawyer, 1997. 408 s.

2. Belkin R.S. Leninskaya teoriya otrazheniya i metodologicheskie problemy' sovetskoj kriminalistiki [The Lenin Theory of Reflection and Methodological Issues of Soviet Criminalistics] / R.S. Belkin. Moskva : [b. i.] — Moscow : [no publishing house indicated], 1970. 130 s.
3. Vekhov V.B. Osnovy' kriminalisticheskogo ucheniya ob issledovanii i ispolzovanii kompyuternoy informatsii i sredstv obrabotki : monografiya [Bases of the Criminalistic Doctrine about Research and Use of Computer Information and Processing Means : monograph] / V.B. Vekhov. Volgograd : Volgogradskaya akademiya MVD Rossii — Volgograd : Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2008. 401 s.
4. Volynskiy A.F. Kriminalisticheskaya registratsiya [Criminalistic Registration] / A.F. Volynskiy, E.R. Rossinskaya. Moskva : VYUZH MVD Rossii — Moscow : Higher Extramural Law School of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1992. 65 s.
5. Lapin A.V. Teoriya informatsii i nekotory'e voprosy' rassledovaniya prestupleniy [The Information Theory and Some Crime Investigation Issues] / A.V. Lapin // Vestnik Belorusskogo universiteta im. V.I. Lenina — Bulletin of the V.I. Lenin Belarus University. 1987. Series 3. S. 7–8.
6. Mescheryakov V.A. Osnovy' metodiki rassledovaniya prestupleniy v sfere kompyuternoy informatsii : dis. ... d-ra yurid. nauk [Fundamentals of the Crime Investigation Methodology in the Computer Information Sphere : thesis of ... Doctor of Law] / V.A. Mescheryakov. Voronezh — Voronezh, 2001. 387 s.
7. Osipenko A.L. Novoe operativno-rozy'sknoe meropriyatie «Poluchenie kompyuternoy informatsii»: sodержanie i osnovy' osuschestvleniya [A New Criminal Intelligence and Surveillance Operation Computer Information Receipt: The Content and Performance Issues] / A.L. Osipenko // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii — Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 3. S. 83–90.
8. Tolstolutskiy V.Yu. Kriminalisticheskaya diagnostika i semiotika [Criminalistic Diagnostics and Semiotics] / V.Yu. Tolstolutskiy // Vestnik Udmurtskogo universiteta — Bulletin of the Udmurt University. 2002. № 4. S. 220.

DOI : 10.18572/1813-1190-2019-2-35-41

Формирование основ судебно-процессуального законодательства с участием иностранного субъекта в Великом Новгороде (XII–XV вв.)

Назаренко Н.И.*

Цель. До настоящего времени о характере торговых отношений Великого Новгорода и Ганзы, их значении в экономической и политической жизни средневековой Европы знает узкий круг специалистов и те, кто интересуется историей России. На протяжении XII–XV в. немецкие купцы, а затем торговый союз немецких городов — Ганза монополизировали торговлю Западной Европы и выступали основным торговым контрагентом Великого Новгорода. В данной статье автор вновь обращается к истории новгородско-ганзейских контактов, но рассматривает их с позиций формирования и развития судебно-процессуального законодательства с участием иностранного субъекта в Великом Новгороде. На основании разнообразных источников — договоров Великого Новгорода с Ганзейским союзом, Новгородской Судной грамоты, новгородских скры и иных документов — освещаются вопросы закрепления начальных этапов уголовного, гражданского процессов и установления юридической ответственности лица. **Методология:** применены сравнительно-правовой, историко-системный, а также общенаучные методы индукции и дедукции. **Выводы.** Особое внимание в статье уделено характеристике судебной системы Великого Новгорода и судебного процесса с участием иностранного субъекта, их отражению в нормах международных актов. Произведен анализ различных видов преступных деяний, направленных против личности и имущества, нашедших закрепление в статьях новгородской скры и международных договорах. Автор раскрывает содержание компетенций старост Немецкого торгового двора, а также должностных лиц Новгородской республики, в том числе лиц, имеющих судебные полномочия. В результате проведенного исследования автор приходит к выводам, что применение ганзейцами новых методов управления и торговли повлекло увеличение обменных и кредитных операций. Посредством международных договоров и уставов они смогли обеспечить юридическую защиту своей деятельности, закрепили права и привилегии. Сфера компетенции представителей княжеской администрации Новгорода, Немецкого торгового двора и ганзейских городов не ограничивалась участием только в уголовном судопроизводстве. Наоборот, чаще подлежали рассмотрению вопросы, связанные с гражданским судопроизводством при исполнении договорных обязательств по возврату товара, денежного капитала или взимания процентов по договору займа. Кроме того, в таких важных европейских торговых центрах, как Любек и Новгород, где были развиты товарооборот, ввоз и обмен благородных металлов, активнее проходил процесс оформления обязательственных и долговых отношений. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование позволяет дополнить и существенно расширить ранее подготовленные научные публикации и материалы по истории новгородско-ганзейских торговых и политических отношений, устранить пробелы в некоторых вопросах истории государственности и права Великого Новгорода и его контактов с Ганзейским союзом. Автор вводит в научный оборот новые источники познания права с целью обращения внимания на проблему взаимодействия культур, в том числе и в сфере права. Выводы данного исследования могут быть также использованы в учебном процессе при подготовке специалистов по направлению «Юриспруденция».

Ключевые слова: Великий Новгород, Ганза, новгородские скры, Немецкий торговый двор, судопроизводство с участием иностранного субъекта, международные договоры, суд князя, вече, процессуальное законодательство, уголовный процесс, система штрафов.

* **НАЗАРЕНКО НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА**, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, n-nazarenko@yandex.ru

Establishment of Bases of Judicial Procedure Laws Involving a Foreign Subject in Veliky Novgorod (the XII to the XV Century)

Nazarenko N.I.**

Purpose. In the modern scientific world a narrow circle of specialists and those interested in Russian history know about the nature of the trade relations of Veliky Novgorod and the Hansa, their significance in the economic and political life of medieval Europe. During the XII–XV centuries, German merchants, and then the trade union of German cities — the Hansa monopolized the trade of Western Europe and acted as the main trading counterpart of Veliky Novgorod. In this article, the author again turns to the history of Novgorod-Hanseatic contacts, but examines them from the standpoint of the formation and development of judicial-procedural legislation with the participation of a foreign entity in Veliky Novgorod. Based on various sources — treaties of Veliky Novgorod with the Hanseatic League, the Novgorod Judicial Charter, Novgorod secrets and other documents, the issues of securing the initial stages of criminal and civil proceedings and establishing the legal responsibility of a person are covered. **Methodology:** comparative legal, historical-systemic, as well as general scientific methods of induction and deduction are used. **Conclusions.** Special attention is paid in the article to the characteristics of the judicial system of Veliky Novgorod and the judicial process with the participation of a foreign entity, their reflection in the norms of international acts. The analysis of various types of criminal acts directed against the person and property, secured in the hidden articles of Novgorod and international treaties. The author reveals the content of the competencies of the head of the German Trade Court, as well as officials of the Novgorod Republic, including those with judicial authority. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the use of new methods of management and trade by the Hanseatic people led to an increase in exchange and credit operations. Through international treaties and charters, they were able to provide legal protection for their activities and secured their rights and privileges. The competence of representatives of the princely administration of Novgorod, the German Trade Court and the Hanseatic cities was not limited to participation in criminal proceedings only. Contrariwise, issues related to civil proceedings in the performance of contractual obligations to return goods, money capital or interest on a loan agreement were subject to more often. In addition, in such important European shopping centers as Lübeck and Novgorod, where commodity circulation, import and exchange of precious metals were developed, the process of issuing obligations and debt relations was more active. **Scientific and practical significance.** The study made it possible to supplement and significantly expand the previously prepared scientific publications and materials on the history of Novgorod-Hanseatic trade and political relations, to eliminate gaps in some issues of the history of statehood and the law of Veliky Novgorod and its contacts with the Hanseatic League. The author introduces into the scientific circulation new sources of knowledge of law in order to pay attention to the problem of interaction of cultures, including in the sphere of law. The findings of this study can also be used in the educational process in the preparation of specialists in the field of “Law”.

Keywords: Veliky Novgorod, Hanse, Novgorod concealed scra, German Trade Court, legal proceedings with the participation of a foreign subject of law, international treaties, court of the prince, veche, procedural law, criminal procedure, system of fines.

Исследование новых источников права позволяет определить истоки формирования принципов и этапов судебного процесса с участием иностранного субъекта в средневековой Руси. Формирование основ судебно-процессуального законодательства с участием иностранцев нашло отражение в международных договорах, в том числе и договорах Великого Новгорода с Ганзой XII–XV вв. В корпусе международных новгородских актов выделяются документы, направленные на закрепление начальных этапов уголовного, гражданского процессов и установление юридической ответственности лица. К их числу относятся торговые договоры Новгорода с Ганзой и другими европейскими государствами XII–XV вв.¹, постановления Ганзейских съездов², договоры Новгорода с князь-

ями³, княжеские уставы, Новгородские писцовые книги⁴, переписка ганзейской конторы и немецких купцов⁵, сборники скры⁶. Всего сохранилось 19 торговых договоров

арабская — тома, затем называется порядковый номер документа.)

¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М. ; Л., 1949. С. 57–59. № 29–31 ; и др.

² Junghanz B.V.W. Die Rezesse und andere Akten der Hansetage von 1256–1430. Erste Abteilung. Bd. 1. Leipzig, 1872–1897. (Далее — НР. Латинская нумерация означает номер серии,

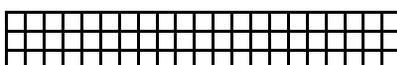
³ Зимин А.А. Уставная грамота князя Всеволода Мстиславича // Академику Б.Д. Грекову ко дню семидесятилетия : сб. ст. М., 1952, С. 123–131 ; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI веков / подг. к печати Л.В. Черепнин. М. ; Л., 1950 ; и др.

⁴ Мерзон А.Ц. Таможенные книги Русского государства XVII в. М., 1957. За XIV–XV вв. не сохранилось ни одной русской таможенной книги, и в настоящее время трудно определить, существовали ли такие книги в Новгороде.

⁵ Lechner G. Die hansische Pfundzollisten des Jahres 1368 (18. März 1368 bis 10. März 1369). Lübeck : Verlag des Hansischen Geschichtsvereins (Hansischer Geschichtsverein), 1935.

⁶ Рыбина Е.А. Иноземные двory в Новгороде XII–XVII вв. М. : Изд-во МГУ, 1986. Приложение № 1. IV скра. (Текст) / пер. И.Е. Клейненберга. Печатается по изданию: Schluter W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII bis XVII. Jahrhundert. Dorpat, 1911. С. 141–170.

** NAZARENKO NATALYA I., Associate Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

Новгорода с Ганзой и более 30 грамот различного характера, содержащих сведения об организации иноземных дворов, компетенции должностных лиц Немецкого торгового двора и их взаимоотношений с новгородскими властями и жителями города⁷.

Особое место в ряду правовых источников занимают купеческие уставы Ганзейского союза — Новгородские скры. Образование иностранных торговых дворов и их функционирование в Новгороде требовало составления определенных правил, которые должны были регулировать взаимоотношения немецких купцов как внутри двора, так и за его пределами. Такими законами, вернее сборником законов, являлась скра⁸. Скра — многоплановый сборник, содержащий положения относительно устройства и организации двора, правила ведения торговли, а также нормы уголовного права и процесса⁹. Тексты законов скры дошли до нашего времени в семи редакциях. Основой для всех последующих версий сборников явился текст скры второй половины XII в.¹⁰

Судебный процесс в эпоху раннего Средневековья воспринимался как процедура, направленная на восстановление нарушенного права. Несмотря на то что в праве еще не существовало четкого разграничения между уголовным и гражданским процессом, по способам регулирования отношений право отвечало потребностям экономической и общественной жизни. Некоторые положения международных договоров, Новгородской скры, Псковской судной грамоты, постановления вече определяли сектор совместного участия сторон (новгородцев и иностранцев) в борьбе с преступностью и восстановлении социальной справедливости. Международные правовые нормы содержали характеристику этапов судебного процесса, включали правила осмотра места совершения преступления, сбора вещественных и иных доказательств, закрепляли процедуры отыскания вещи и преступника. Установленный рациональный порядок производства этих процедур и некоторые иные вопросы дознания получили дальнейшее развитие и отражение в современном уголовном и уголовно-процессуальном праве.

По общему правилу, закрепленному в международных договорах, сторонами в процессе могли выступать лица, чьи интересы были противоправно нарушены. Обе стороны процесса именовались «истцами». Судебное разбирательство — «тяжбою», преступное деяние — «зло» или «обидное дело». Впоследствии в связи с особым статусом немецких купцов их права и интересы, нарушенные, например, ненадлежащим исполнением договора русской стороной, подлежали защите и представительству старосты Двора — олдермену (ст. 70 IV редакции скры). Однако следующая, 71 статья, указывала: «Если надо будет вывести кого-нибудь, кто приговорен к смертной казни, то старосты двора в этом не участвуют, но они должны передать свои полномочия двум другим лицам, чтобы они поступали так, как будто он сам присутствует. Далее, те, кто на это назначены, должны поехать с приговоренным, иначе они теряют права двора».

Немецкий торговый двор в Новгороде существовал на принципе экстерриториальности. Сборники законов скры IV, V, VI и VII редакций строго регламентировали порядок внутреннего дворового управления и взаимоотношений с новгородскими властями. Обособление двора было нераздельно связано с дворовым самоуправлением. Уже I скра содержит правила относительно выборов старосты двора и старосты церкви св. Петра. Правила эти затем без изменений переносятся во II и III редакции сборника. Скры очерчивали круг полномочий старосты. Староста двора выполнял функции судьи, его правовая автономия включала собственную уголовную и гражданскую юрисдикцию. Он обязывался строго следить за исполнением постановлений скры, разрешать споры между купцами и их помощниками. На основании законов скры староста мог назначить наказание в виде штрафа, телесных наказаний и даже смертной казни. В обязанности старост входило ведение торговой книги двора. Он должен был вносить записи поступлений доходов и расходов конторы, отчитываться за свою деятельность (в том числе и финансовую) перед собранием купцов.

Субъектами уголовного права и процесса (на основе анализа статей скры) выступали все свободные люди, проживающие, торгующие, служащие или посещающие Ганзейский двор в Новгороде. В уставе выделяются «самостоятельные купцы» — *mesterman*¹¹, подручные¹², складники¹³, священнослужители и новгородские жители. Новгородская скра устанавливала совершенно особые отношения между городом и членами Ганзейского двора. Торговый двор являлся юридическим лицом и политиче-

⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова.

⁸ Скра («Schra», «Schrage», «Sera») означает «судебник» или «книгу законов».

⁹ Андреевский И.Е. О правах иностранцев в России до вступления Иоанна III Васильевича на престол Великого княжества Московского. СПб., 1854. С. 85, 86.

¹⁰ Там же. С. 85, 86; Назаренко Н.И. Немецкий торговый двор в Новгороде XII–XVII вв.: правовое закрепление в Уставе его организации // Опыт государственного строительства в России и зарубежных странах (к 20-летию Конституции Российской Федерации) : материалы IX Международной научно-практической конференции : сб. науч. ст. / отв. ред. Т.И. Метушевская. Курск : Курский государственный университет, 2013. С. 20–29.

¹¹ *Mesterman* — купец, имеющий в своем распоряжении денежную сумму для ведения торгового оборота.

¹² Подручный — слуга, не имеющий собственных товаров и выполнявший различные поручения купца.

¹³ Складники — купцы-компаньоны, ведущие общую торговлю.

ским представителем Ганзы, а члены двора отличались от остальных жителей правами и обязанностями. Свободное положение иноземных купцов не подразумевало неограниченной правовой свободы. Ганзейский двор контролировал своих членов и пользовался в их отношении принудительными правами. Как уже отмечалось ранее, функции социального и налогового контроля, в том числе и процедуры нарушения правил торговли, отыскания пропавшей вещи, преследования преступника, были возложены на должностных лиц двора (старосту и его помощников-фогтов). В некоторых случаях при раскрытии преступления привлекались и члены двора, так называемые самостоятельные купцы.

Досудебные процедуры, в отличие от стадий судебного процесса, достаточно поверхностно прописаны в Новгородских скрах. В уставах Немецкого двора данные процедуры упоминаются в связи с характеристикой преступного деяния. Например, прописаны процедуры «собрание общины», которые напоминают по форме и содержанию (понятийно-терминологическим характеристикам) «заклич» и «свод», известные по Русской Правде и иным русским источникам¹⁴. «Собрание общины купцов» иногда проходило при объявлении членам двора о нарушении прав какого-либо лица и предполагаемом виновнике нарушения (ст. 32, 45 I скры, 70, 78, 85 IV скры). Такую процедуру применяли, если пропадала вещь, имевшая индивидуально определенные признаки, или совершалось противоправное деяние либо проступок (кража, убийство, оскорбление словом или действием). Лицо, у которого обнаруживалась вещь, считалось ответчиком в случае отсутствия у него доказательства добросовестности приобретения найденной вещи (ст. 45 скры I редакции). Если лицо не могло доказать добросовестность владения, на него налагалось наказание в виде штрафа. Размер штрафа зависел от стоимости вещи и статуса потерпевшего лица. Часть штрафа поступала в пользу казны двора. Другая досудебная процедура напоминала «гонение следа», она начиналась тогда, когда правонарушитель не был захвачен на месте преступления. Содержание этой процедуры раскрывается в ряде статей скры различных редакций: (43, 44) I скры; (85, 94) IV скры и др. Постепенно данная процедура трансформировалась в расследование преступления, т.е. проведение дознания и расследования, которое проводилось должностными лицами Двора.

Законы скры строго регламентировали отношения между ганзейцами и властями Новгорода и предупреждали возможность их проникновения в городские структуры. Компетенции новгородских властей немецкие купцы подлежали только в случае совершения преступлений

против русских или рассмотрения тяжб с новгородцами. Нормы уголовного права, нашедшие закрепление в статьях новгородской скры, не знают деления на стадии совершения преступления и содержат ограниченный перечень видов преступления. В зависимости от характера правоотношений, против которых было направлено деяние, можно выделить: убийство (ст. 43 I скры), нанесение тяжких телесных повреждений (ст. 44 I скры), оскорбление действием или словом (ст. 79, 81 IV скры), разбой, кража (ст. 83, 85 IV скры), повреждение и противозаконное пользование чужим имуществом (ст. 34, 45 I скры), деяния против должностных лиц двора (ст. 36, 99 IVскры), против церкви.

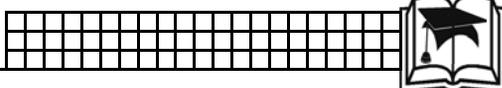
Наиболее распространенными видами преступлений, которые фиксируются русскими и немецкими источниками, являлись преступления против собственности: кража, грабеж, мошенничество (приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребление доверием при нарушении правил торговли), присвоение, растрата, а также повреждение и противозаконное пользование чужим имуществом. Следует отметить, что преступления против собственности упоминаются законодателем гораздо чаще, чем, например, деяния, направленные против личности. В.В. Момотов указывает, что в «Новгороде и Пскове в XIII–XIV вв. происходил процесс формирования принципов частной собственности, предполагающих свободу и неприкосновенность частной собственности»¹⁵. Эти принципы необходимо было законодательно оформить и реализовать посредством процедуры судопроизводства и вынесения судебного решения. Кроме того, в таких важных европейских торговых центрах, как Любек и Новгород, где были развиты товарооборот, ввоз и обмен благородных металлов¹⁶, активнее проходил процесс оформления обязательственных и долговых отношений. Анализ международных документов Новгорода и Ганзы позволяет прийти к выводу, что сфера компетенции представителей княжеской администрации, Немецкого торгового двора и ганзейских городов не ограничивалась участием только в уголовном судопроизводстве. Наоборот, чаще подлежали рассмотрению вопросы, связанные с гражданским судопроизводством при исполнении договорных обязательств по возврату товара, денежного капитала или взимания процентов по договору займа.

Организация судебных органов и судопроизводство в Новгородской республике значительно отличались от судебной системы и порядка ведения процесса германских

¹⁴ Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 47.

¹⁵ Момотов В.В. Формирование основ русского средневекового права IX–XIV вв. : монография. М. : Зерцало-М, 2003. С. 233.

¹⁶ Хорошкевич А.Л. Из истории ганзейской торговли (Ввоз в Новгород благородных металлов в XIV–XV вв.) // Средние века. Вып. 20. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 98.

городов. Новгородская судебная система нашла отражение в международных договорах с Ганзой, статьях скры, делопроизводственных документах, постановлениях (рецессах) съездов, письмах немецких купцов и иных источниках. В Новгороде параллельно существовали вечевые и княжеские суды, имевшие разную юрисдикцию и подсудность. Высшей судебной инстанцией Новгородской республики являлось вече, роль которого в данном статусе неоднократно подтверждается международными договорами с иностранными государствами: «...учиниться там что гостю, отвечать за то князю и всем новгородцам...»¹⁷. При разрешении споров между новгородскими купцами и иноземцами действовал принцип подсудности «по месту пребывания». Следует подчеркнуть, что новгородцы были заинтересованы в расширении торговых отношений с иноземными купцами и функционировании Немецкого торгового двора, поэтому отношение властей и жителей Новгорода к чужеземцам отличалось терпимостью. Международные договоры Новгорода с Ганзой и иными государствами, статьи Новгородской судной грамоты, судебные решения вече и князя содержали нормы, обеспечивающие защиту жизни, чести и имущества иностранных купцов наравне с новгородцами. Например, Новгородская первая летопись упоминает о вечевом суде над князем Ярославом 1270 г., которому были предъявлены обвинения в различных злоупотреблениях и выдворении иноземных купцов за пределы Новгорода. Решение суда вече гласило: «...а ныне, княже, не можемъ тръпети твоего насилья; поиди от насъ, а мы себе князя промыслимъ»¹⁸. Принципы судопроизводства определены ст. 26 Новгородской судной грамоты. Грамота указывала, что судьям-докладчикам «от доклада посула не взять... а у доклада не дружить никою хитростью по крестному целованию»¹⁹.

Тексты международных документов определяли компетенцию вече. Рассмотрению вече подлежали вопросы публично-правового характера, обеспечения безопасности проезда, осуществления торговли, порядка взыскания долга с главного должника и поручителя, определения меры весов и разрешения споров. Ярким примером служит ст. XI «Договора 1270 г. между Новгородом и немецкими городами», гласящая, что «если возникнуть между Нъмцами и Новгородцами ссора, то она должна быть покончена во дворе Св. Иоанна, при посаднике, тысяцкомъ и при купцахъ»²⁰.

¹⁷ Проект договорной грамоты Новгорода с Любеком и Готским берегом о торговле и суде 1269 г. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 31. С. 60.

¹⁸ Новгородская первая летопись // Русские летописи. Рязань, 2001. Т. 10. С. 319.

¹⁹ Статья 26 Новгородской Судной грамоты // Российское законодательство X–XX вв. М., 1984. Т. 1. С. 306.

²⁰ Статья XI Договора между Новгородом и Немецкими городами 1270 г. (Текст воспроизведен по изданию: Андреев-

Суд князя также неоднократно упоминается в международных документах, статьях скры и письмах немецких купцов. Например, «Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, о посольских делах и о суде» 1189–1199 г. так характеризует суд князя: «...аче будетъ судъ князю новгородкъму Новгородъ или немецкому в Немчьхъ, а в том миру ити гостю домовъ бес пакости. А кого богъ поставитъ князя, а с тым мира потвердить...»²¹. Княжеские судебные полномочия ограничивались определенными правилами, которые нашли закрепление в договорных грамотах Новгорода с князьями, приглашенными на «новгородский стол». Суд князя мог проходить только в присутствии посадника — выборного должностного лица²². Князь и посадник фактически обладали одинаковой юрисдикцией, разбирали имущественные споры и уголовные дела, в том числе между новгородцами и иностранными купцами. Разрешение таких конфликтов было представлено специальному суду, заседавшему во дворце новгородского архиепископа или суду при церкви Ивана на Опоках.

Один из ранних международных договоров Новгорода с немецкими городами и Готландом 1270 г. (ст. VIII) закрепляет правило разрешения имущественных споров «передъ тысяцкимъ и Новгородцами во дворе Св. Иоанна»²³. Суд тысяцкого и должностные лица, исполняющие судебные решения (герольды и бирючи), называются и в иных статьях договора²⁴. Договоры Новгорода с Ганзой построены на основе образцовых письменных традиций. Юридическую силу международных документов XII–XV вв. обеспечивали такие важные составляющие, как адресные формулы, формулы заверения, подписи и титулы. Должности и имена тысяцких и посадников неоднократно фиксируются в преамбулах или «докончаниях» договоров. В компетенцию тысяцкого и посадника входили подготовка проектов договоров и грамот, определение торговой политики и «заверение» международных документов посредством процедуры «крест целования»²⁵.

ский И. О договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1270 году. СПб., 1855. С. 27.)

²¹ Договорная грамота Новгорода с Готским берегом и немецкими городами о мире, о посольских делах и о суде 1189–1199 г. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 28. С. 58.

²² Статья 2 Новгородской Судной грамоты // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 304.

²³ Статья VII Договора Новгорода с немецкими городами 1270 г. (Текст воспроизведен по изданию: Андреевский И. Указ. соч. С. 26.)

²⁴ Там же. С. 28, 30.

²⁵ Проект договора Новгорода с Любеком, Готским берегом и заморским купечеством 1371 г.: «На всем том наместник и посадник, и тысяцкий за весь Новгород крест целовали немцам...». Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 43. С. 79.

Содержание международных договоров и статей скры позволяют составить только общее впечатление о суде посадника и тысяцкого. Новгородская судная грамота закрепляет основные принципы судопроизводства: «А наместникам великого князя и тиунам пересуд свой ведати по старине. А тысяцкому судите свой суд, и судить им право по крестному целованию»²⁶. Договоры являлись наиболее регламентированным типом текстов и включали строго ограниченный набор языков средств и терминов. Однако многие международные акты Новгорода были построены на традициях русского договорного «чина» и заимствовали положения статей Новгородской судной грамоты или иных вечевых документов. Так, например, в Проекте договора Новгорода с Любеком, Готским берегом и заморским купечеством 1371 г. воспроизводится содержание ст. 3 и 4 Судной грамоты Новгорода: «А учинится какое зло заморскому гостю в Новгородской земле, и Новгороду исправу дать на том, по крестному целованию, по старым грамотам». Рассмотрению суда тысяцкого подлежали в основном торговые дела и имущественные споры, в том числе и разрешение «гостевых конфликтов». Суд тысяцкого упоминается в документах (отчетах) торгового двора и переписке ганзейских купцов, в частности, по делу должника Гошалка Копмана: «Да будет вам известно, что мы находимся под арестом из-за Гошалка Копмана, как мы уже прежде сообщили Вам в наших письмах, а именно, что *de rode sichne* посадил двух наших в темницу, за которых мы поручились на 14 дней, а когда 14 дней миновало, они потребовали у нас 108 гривен серебра или грозили посадить названных людей опять в темницу... Их взяли на поруки, а на следующий день их нужно было выдать на суд Новгороду, перед тысяцким и старостами»²⁷.

Состав торгового суда тысяцкого, который также рассматривал споры между иностранцами и русскими купцами, определялся Уставной грамотой Новгородского князя Всеволода Мстиславовича: «И яз князь великий Всеволод поставил есми Святому Ивану три старосты от житых людей... а то купцев два старосты, управляти им всякие дела Иванская, и торговая, и гостиная, и суд торговый...»²⁸. Таким образом, торговый суд по делам иностранцев состоял из тысяцкого, как выборного должностного лица от народа, старост от новгородских купцов и олдермена, как представи-

теля иностранных купцов и руководителя Немецкого торгового двора. Указанные лица в судебном заседании исполняли роль посредников в примирении сторон, если мирового соглашения достигнуть не удавалось, то дело рассматривалось в судебном порядке.

Старосты Немецкого торгового двора (олдермены) могли выступать в качестве представителей, свидетелей или защитников одной из сторон. Кроме того, новгородец, обманутый немецким купцом, мог заявить жалобу олдермену двора и требовать разбирательства перед тысяцким и новгородцами. Договоры Новгорода с Ганзой упоминают приставов тысяцкого и бирючей — полицейских чиновников, непосредственно связанных с исполнением судебных решений и поручений органов власти. В частности, ст. X Договора 1270 г. посвящена ограничению служебных полномочий чиновников. Немецкий и Готландский торговые дворы функционировали в Новгороде на принципе экстерриториальности. Бирючи не имели права посещения торговых дворов и принятия решений в отношении немецких купцов как должностные лица республики. В случае бегства неоплатного должника, споры между новгородцами и иноземцами, совершения преступления иностранцем «стороны должно требовать пристава тысячкаго» и выносить дело на рассмотрение суда.

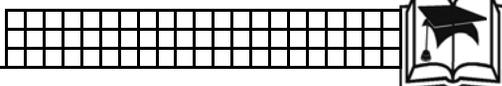
Система наказаний, зафиксированная в русских и немецких источниках, основывалась на денежных взысканиях в виде штрафов, пени и выкупах. С развитием товарооборота между Новгородом и Ганзой прежняя цель наказания — восстановление нарушенного социального равновесия — заменяется возмездием, отражающим общий социальный и экономический интерес, с сохранением некоторых прежних композиций в системе наказания. Применение ганзейцами новых методов управления и торговли повлекло увеличение обменных и кредитных операций. Посредством международных договоров и уставов они смогли обеспечить юридическую защиту своей деятельности, закрепили права и привилегии.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что в исследовании не ставилась задача освещения полного процесса формирования и функционирования органов предварительного расследования преступлений с участием иностранного субъекта в Великом Новгороде в XII–XV вв. Автором была поставлена более скромная задача — обобщить накопленный материал и ввести в научный оборот новые источники познания права с целью обращения внимания на проблему взаимодействия культур, в том числе и в сфере права.

²⁶ Статьи 3, 4 Новгородской Судной грамоты // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. С. 304.

²⁷ Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. С. 298.

²⁸ Памятники истории Великого Новгорода / под ред. С.В. Бахрушина. М., 1909. С. 51.

Литература

1. Андреевский И.Е. О правах иностранцев в России до вступления Иоанна III Васильевича на престол Великого княжества Московского / И.Е. Андреевский. СПб. : Тип. Я. Трея, 1854. 142 с.
2. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XVI вв. : монография / В.В. Момотов. М. : Зерцало-М, 2003. 415 с.
3. Назаренко Н.И. Немецкий торговый двор в Новгороде XII–XVII вв. : правовое закрепление в Уставе его организации / Н.И. Назаренко // Опыт государственного строительства в России и зарубежных странах (к 20-летию Конституции Российской Федерации) : материалы IX Международной научно-практической конференции : сб. науч. ст. ; отв. ред. Т.И. Метушевская. Курск : Курский государственный университет, 2013. С. 20–29.
4. Приложение № 1. IV скра (пер. И.Е. Клейнберга) // Schluter W. Die Nowgoroder Schra in sieben Fassungen vom XIII bis XVII / W. Schluter. Jahrhundert, Dorpat, 1911. С. 141–170.
5. Рыбина Е.А. Иноземные дворы в Новгороде XII–XVII вв. / Е.А. Рыбина. М. : Изд-во МГУ, 1986. 173 с.
6. Хорошкевич А.Л. Из истории ганзейской торговли (Ввоз в Новгород благородных металлов в XIV–XV вв.) / А.Л. Хорошкевич // Средние века : сб. Вып. 20. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1961. С. 98–120.
7. Junghanz B.V.W. Die Rezesse und andere Akten der Hansetage von 1256–1430. Erste Abteilung. Bd. 1 / B.V.W. Junghanz. Leipzig, 1872–1897.
8. Lechner G. Die hansische Pfundzollisten des Jahres 1368 (18. März 1368 bis 10. März 1369) / G. Lechner. Lübeck : Verlag des Hansischen Geschichtsvereins (Hansischer Geschichtsverein), 1935. 579 s.

References

1. Andreevskiy I.E. O pravakh inostrantsev v Rossii do vstupleniya Ioanna III Vasilevicha na prestol Velikogo knyazhestva Moskovskogo [On Rights of Foreigners in Russia before Ivan III Vasilyevich Came to the Throne of the Grand Duchy of Moscow] / I.E. Andreevskiy. Sankt-Peterburg : Tip. Ya. Treya — Saint Petersburg : Printing office of Ya. Treya, 1854. 142 s.
2. Momotov V.V. Formirovanie russkogo srednevekovogo prava v IX–XVI vv. : monografiya [Establishment of the Russian Medieval Law in the IX to the XVI Century : monograph] / V.V. Momotov. Moskva : Zertsalo-M — Moscow : Mirror-M, 2003. 415 s.
3. Nazarenko N.I. Nemetskiy trgovy'y dvor v Novgorode XII–XVII vv. : pravovoe zakreplenie v Ustave ego organizatsii [The German Trade Court in Novgorod in the XII to the XVII Century: Legal Consolidation of Its Establishment in the Statute] / N.I. Nazarenko // Opy't gosudarstvennogo stroitelstva v Rossii i zarubezhny'kh stranakh (k 20-letiyu Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii) : materialy' IX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii : sb. nauch. st. ; otv. red. T.I. Metushevskaya [Experience of State Building in Russia and Foreign Countries (to the 20th Anniversary of the Constitution of the Russian Federation) : files of the IX international scientific and practical conference : collection of scientific articles ; publishing editor T.I. Metushevskaya]. Kursk : Kurskiy gosudarstvenny'y universitet — Kursk : Kursk State University, 2013. S. 20–29.
4. Prilozhenie № 1. IV skra (per. I.E. Kleynenberga) [Annex No. 1. IV Skra (translation by I.E. Kleynenberg)] // Schluter W. Novgorodskaya skra v semi redaktsiyakh s XIII po XVII / W. Schluter [The Novgorod Skra in Seven Versions from the XIII to the XVII] / W. Schluter. Jahrhundert, Dorpat — Century, Dorpat, 1911. S. 141–170.
5. Rybina E.A. Inozemny'e dvory' v Novgorode XII–XVII vv. [Foreign Courts in Novgorod in the XII to the XVII Century] / E.A. Rybina. Moskva : Izd-vo MGU — Moscow : Publishing house of the Lomonosov MSU, 1986. 173 s.
6. Khoroshkevich A.L. Iz istorii ganzeyskoy trgovli (Vvoz v Novgorod blagorodny'kh metallov v XIV–XV vv.) [From the History of the Hanseatic Trade (Import of Precious Metals to Novgorod in the XIV to the XV Century)] / A.L. Khoroshkevich // Srednie veka : sb. Vy'p. 20 [Middle Ages : collection. Is. 20]. Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR — Moscow : Leningrad : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. S. 98–120.
7. Junghanz B.V.W. Retsetsse i prochie akty' ganzeyskoy epokhi, 1256–1430. Chast Pervaya. T. 1 [The Recess and Other Acts of the Hanseatic Days from 1256 to 1430. Chapter 1. Vol. 1] / B.V.W. Junghanz. Leipzig — Leipzig, 1872–1897.
8. Lechner G. Kniga ganzeyskikh traditsiy 1368 g/ (18 marta 1368 g. — 10 marta 1369 g.) [Hanseatic Customs Books of 1368 (from March 18, 1368 to March 10, 1369)] / G. Lechner. Lübeck : Izdatelstvo Assotsiatsii ganzeyskoy istorii (Assotsiatsiya ganzeyskoy istorii) — Lübeck : Publishing House of the Hanseatic History Association (Hanseatic History Association), 1935. 579 s.

В соответствии с Распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р федеральный научно-практический журнал «Юридическое образование и наука» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

12.00.01 — Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки);

12.00.02 — Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки);

12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право (юридические науки).

DOI : 10.18572/1813-1190-2019-2-42-47

Правовое регулирование в сфере среднего профессионального образования в России на рубеже XIX–XX вв. (историко-правовой аспект)

Соколова Т.Л.*

Цель. Правовое регулирование профессионального образования позволяет реализовывать единые образовательные стратегии, является важнейшим условием внедрения в педагогическую практику инновационных технологий. Обращение к опыту правового регулирования профессионального образования в настоящее время представляется обоснованным, так как способствует обогащению современной образовательной практики проверенными временем подходами, выявлению сохранивших свою дееспособность положений. Целью настоящей статьи является восполнение пробела, существующего в отечественной историко-правовой науке, в вопросах становления традиций правового регулирования среднего профессионального образования в России. В статье рассмотрены особенности правового регулирования профессионального образования в России во второй половине XIX — начале XX в. Характеризуются наиболее значимые нормативно-правовые акты, заложившие основу системы среднего профессионального образования в России в пореформенный период. **Методология:** системно-структурный, сравнительно-правовой и формально-юридический методы в совокупности с общенаучными приемами анализа, синтеза и др. **Выводы.** Во второй половине XIX — начале XX в. в развитии правового регулирования в области образования преобладали следующие тенденции: осознание правящими кругами необходимости реформ, формирование правовой базы образования, отвечающей потребностям общества и времени. **Научная и практическая значимость.** Научная новизна предопределена выбором темы исследования и заключается в предложенных выводах, способствующих расширению представлений о российских традициях в части законодательной регламентации профессионального образования. Практическое значение исследования состоит в том, что историко-правовой опыт, с учетом современных реалий, может быть использован в законотворческой деятельности, а собранный фактический материал — в научных работах и практике преподавания как общих, так и специальных курсов по истории и теории права и государства.

Ключевые слова: реформа, профессиональное образование, правовое регулирование, учебное заведение.

Legal Regulation of Secondary Professional Education in Russia at the Turn of the XX Century (a Historical and Legal Aspect)

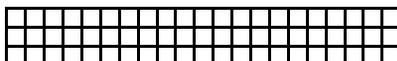
Sokolova T.L.**

Purpose. Legal regulation of vocational education allows you to implement common educational strategies, is the most important condition for the introduction of innovative technologies into the teaching practice. Appeal to the experience of legal regulation of vocational education at the present time seems reasonable, since it contributes to the enrichment of modern educational practice with time-tested approaches that reveal the provisions that have retained their competence. The purpose of this article is to fill the gap that exists in the national historical and legal science in the formation of traditions of legal regulation of secondary vocational education in Russia. The article covers specific features of the legal regulation in Russian vocational education in the latter half of the 19th — early 20th centuries. This work describes the most significant normative legal acts that formed the basis for the system of secondary vocational education in Russia in the post-reform period. **Methodology:** system-structural, comparative legal and formal legal methods in conjunction with general scientific methods of analysis, synthesis, etc. **Conclusions.** In the second half of the XIX — early XX centuries the following trends prevailed in the development of legal regulation in the field of education: the awareness of the need for reform by the ruling circles; the formation of a legal framework for education that meets the needs of society and time. **Scientific and practical significance.** Scientific novelty is predetermined by the choice of the research topic and lies in the proposed conclusions that contribute to the expansion of ideas about Russian traditions in terms of legislative regulation of vocational education. The practical significance of the study lies in the fact that historical and legal experience, taking into account modern realities, can be used in lawmaking, and the factual material collected can be used in scientific works and teaching practices of both general and special courses on the history and theory of law and state.

Keywords: reform, vocational education, legal regulation, educational institution.

* СОКОЛОВА ТАТЬЯНА ЛЕОНИДОВНА, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики «ВИПЭ» ФСИН России, кандидат исторических наук, taniavol@yandex.ru

** SOKOLOVA TATYANA L., Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia, Candidate of Historical Sciences

Интерес к исследуемой проблеме обусловлен своеобразием ситуации, складывающейся в современной российской образовательной сфере. В последние десятилетия произошли серьезные изменения в отечественной системе образования, однако модернизация российского образования обошла стороной систему среднего профессионального образования. Отсутствие четкой концепции модернизации среднего профессионального образования на фоне тотального дефицита специалистов среднего звена говорит о необходимости детального исследования развития этого социального института, возможностей его трансформации, в том числе и с помощью законодательного регулирования. В данной статье автор ставит целью восполнить пробел, существующий в отечественной историко-правовой науке, в вопросах становления традиций правового регулирования среднего профессионального образования в России во второй половине XIX — начале XX в.

Рассматриваемый период, на наш взгляд, является уникальным в истории развития отечественного образования. Во-первых, в результате проведенных в 60-х гг. XIX в. реформ произошло втягивание в рыночные отношения все более широких слоев населения, вследствие чего вопрос о начальном народном образовании оказался очень актуален¹. Это вызвало невиданный прежде рост числа сельских и городских школ. Во-вторых, увеличение количества сельских и городских школ, в свою очередь, вызвало необходимость обеспечить их учительскими кадрами². Вследствие чего происходит рост числа учебных заведений, готовящих учителей для народных школ. В-третьих, развитие промышленности, транспорта и торговли предъявляло все более широкий спрос на специалистов со средним и высшим образованием в данной сфере деятельности³. В-четвертых, подъем в развитии переживало и сельское хозяйство, где также требовались профессиональные кадры мастеров-ремонтников сельскохозяйственного оборудования. Необходимость в профессионально подготовленных кадрах значительно превышала возможности имеющихся технических, ремесленных и сельскохозяйственных школ, которые не справлялись с возросшими потребностями в подготовке высококвалифицированной рабочей силы. Таким образом, во второй

половине XIX в. назрела потребность в реформировании системы образования в целом и среднего профессионального образования в частности. Необходимо было привести малочисленные и разрозненные профессиональные учебные заведения в определенную систему в соответствии с возросшими потребностями в квалифицированных специалистах различных профилей⁴. Правительство осознавало данную необходимость и по мере возможностей пыталось изменить создавшуюся ситуацию.

Противоречивый характер нормотворческой деятельности предыдущих десятилетий в области правового регулирования был отчасти решен в процессе реформирования системы образования 1860-х гг. Нормативные акты этого периода закрепляли новые принципы просвещения: отказ от сословности, отделение общего образования от специального, упразднение учебных заведений интернатного типа и др. Первостепенной задачей в 1860-е годы являлось решение проблемы нехватки учительских кадров. Одной из форм подготовки учителей было открытие педагогических курсов при существовавших учебных заведениях. Вопрос об открытии педагогических курсов был поднят еще в 1859 г. в ходе обсуждения проблемы недостатка специально подготовленных учителей для воскресных школ. Министерство народного просвещения в 1860 г. приняло решение об открытии педагогических курсов при университетах в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и Казани⁵ и подготовило «Положение о педагогических курсах»⁶. Это положение расширяло перечень учебных заведений, при которых могли быть открыты педагогические курсы. Педагогические курсы открывались в первую очередь при уездных училищах для подготовки учителей народных училищ.

Вместе с тем открытие педагогических курсов не смогло повсеместно решить проблему дефицита педагогических кадров, ставшую еще более серьезной в результате расширения сети народных училищ и появления нового типа школы — городского училища. В мае 1872 г. было утверждено «Положение о городских училищах ведомства Министерства народного

¹ История России: С начала XVIII до конца XIX в. / А.Н. Сахарова, Л.В. Милов и др. ; отв. ред. А.Н. Сахаров. М. : АСТ, 2001. С. 447.

² Кузьмин Н.Н. Учительские институты в России. Челябинск : Челябинский пединститут, 1975. С. 4.

³ История России: С начала XVIII до конца XIX в. С. 447.

⁴ Очерки истории профессионально-технического образования в СССР / под ред. С.Я. Батышева. М. : Педагогика, 1981. С. 42.

⁵ Об учреждении педагогических курсов при Императорских университетах в Санкт-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове и Казани // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CVI. СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1860. С. 27–29.

⁶ Положение о педагогических курсах // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CVI. СПб. : Тип. Императорской Академии Наук, 1860.

просвещения», согласно которому появились учебные заведения, ставшие базой для среднего специального образования, так как начальные училища явно не справлялись с этой задачей. Программа преподавания в городских училищах была более обширной, чем в начальных, и требовала соответствующей подготовки, поэтому учителя с «домашней» подготовкой или окончившие педагогические курсы не подходили в качестве педагогов городских училищ⁷. Одновременно с «Положением о городских училищах» Министерство народного просвещения утвердило 31 мая 1872 г. «Положение об учительских институтах». Учительские институты не были привилегированными и относились к учебным заведениям, выпускники которых не пользовались правами и льготами, предоставленными выпускникам средних учебных заведений. Например, они не могли держать экзамен на звание воспитателя гимназии, хотя такие права были даны выпускникам гимназий, реальных училищ и других средних учебных заведений. Первыми открытыми в 1872 г. учительскими институтами были Петербургский, Московский и Тифлисский⁸.

К 1870-м гг. в России функционировали разнообразные типы общеобразовательных, полупрофессиональных и профессиональных учебных заведений, низших, повышенных и средних школ, которые возникли в результате «достроек» и «пристроек» к училищам и гимназиям других типов учебных заведений. Учебные планы большинства образовательных учреждений, находившихся в ведении различных ведомств, организаций и частных лиц, не были преемственно связаны между собой⁹. Правительство стремилось привести малочисленные и разрозненные профессионально-технические учебные заведения в определенную систему в соответствии с потребностями промышленности.

В 1877 г. в Министерстве финансов был впервые поставлен вопрос о распространении в народе технического образования, положивший начало разработке «Общего нормального плана промышленного образования в России». План назывался нормальным,

так как допускал существование учебных заведений, отличных от предусмотренных планом, строящихся по индивидуальным уставам. В этом документе были сформулированы некоторые требования к системе профессионального образования: соответствие ее нуждам промышленности, согласование общего и профессионального образования, усиление специализации, замена ученичества ремесленными школами. Кроме того, «Общий нормальный план промышленного образования», принятый в 1884 г., впервые определил принципиальные основы профессионального образования, главными положениями которых были: разделение учебных заведений на различные типы, исходя из задач, стоящих перед ними; единство требований к учебным заведениям одного и того же типа (унификация сроков обучения, содержания общего и профессионального образования, прав оканчивающих и т. д.); определение для каждого типа профессиональной школы базовой общеобразовательной школы. Вся предполагаемая система профессионального образования предназначалась только для мужчин¹⁰.

На основе «Общего нормального плана» правительство издало в 1888 г. «Основные положения о промышленных училищах», которые являлись основным законом профессионально-технического образования, имевшим силу вплоть до конца 1917 г. Этот законодательный акт впервые в России сформулировал принципы организации системы специального образования, определил пути подготовки квалифицированных рабочих, мастеров и техников, свел профессионально-технические учебные заведения в общую систему учреждений народного образования. Появление этого документа знаменовало начало нового этапа в развитии специального образования в России¹¹. Согласно требованиям, изложенным в Положении, все профессиональные промышленные училища разделялись на три категории: средние технические училища — для подготовки техников, помощников инженеров и других руководителей промышленного дела; низшие технические училища — выпускали мастеров, т.е. непосредственных руководителей труда рабочих в промышленных заведениях; ремесленные училища — для подготовки рабочих, способных к «осмысленной работе в данном

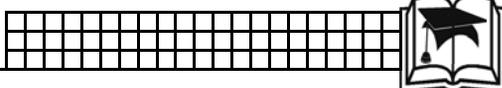
⁷ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения: Т. 5 : Царствование императора Александра II, 1871–1873. СПб. : Тип. В.С. Балашева и К, 1877. С. 1178–1189.

⁸ Пругавин А.С. Об учительских институтах по Положению 1872 года // Законы и справочные сведения по народному образованию. СПб. : Общественная польза, 1904. С. 438–494.

⁹ Васильев К.И. Очерки по истории высшего педагогического образования в РСФСР (1918–1932). Воронеж : Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1966. С. 6.

¹⁰ Вышнеградский И.А. Проект общего нормального плана промышленного образования в России. СПб. : Тип. Ф. Елонского, 1884. 236 с.

¹¹ Шубович В.Г. «Положение о промышленных училищах» 1888 года как фактор формирования системы специального образования в России в XIX — начале XX вв. // Симбирский научный вестник. 2012. № 4 (10). С. 96–98.

производстве». Для всех типов училищ были разработаны примерные учебные планы и программы, которые составлены таким образом, что основное место в них отводилось специальным (профессиональным) предметам. Количество общеобразовательных дисциплин и время на их изучение были сведены до минимума¹². Для установленных законом различных типов учебных заведений в это же время были разработаны примерные учебные планы и программы, произведена некоторая унификация определенных типов учебных заведений. В 1889 г. были утверждены Уставы среднего, низшего технических и ремесленного училищ. Также в рассматриваемый период были приняты Положения, касающиеся развития других видов профессиональной школы: о сельскохозяйственном образовании (1878), «Нормальное положение о низших сельскохозяйственных школах» (1883) о железнодорожных училищах (1886), «Положение о коммерческих учебных заведениях» (1896), о мореходном образовании в Империи (1902), о художественно-промышленных учебных заведениях (1902). Так, «Нормальное положение о низших сельскохозяйственных школах» 1883 г. внесло определенное единообразие в их организацию и содержание обучения. Срок обучения был установлен в четыре года. Образовательные предметы изучались зимой, а остальное время учащиеся занимались специальными предметами и практическими работами. Низшие сельскохозяйственные школы были преимущественно частными учебными заведениями. Их открывали на деньги богатых землевладельцев и кооперативных товариществ. Организационная роль государства заключалась в том, что некоторые из них получали пособия от государственного казначейства¹³. «Положение о технических железнодорожных училищах» 1886 г. внесло определенное единообразие в деятельность этих учебных заведений. В 1887 г. Министерством путей сообщения были утверждены программы по специальным предметам. Железнодорожные училища давали достаточную практическую подготовку своим выпускникам, но весьма слабые общеобразовательные и общетехнические знания¹⁴.

¹² Шубович В.Г. Историографические аспекты становления и развития системы профессионального образования в России на рубеже XIX–XX вв. // Поволжский педагогический поиск. 2012. № 2 (2). С. 114–117.

¹³ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. С. 254–260.

¹⁴ Шубович В.Г. Историографические аспекты становления и развития системы профессионального образования в России на рубеже XIX–XX вв.

В апреле 1896 г. было издано «Положение о коммерческих учебных заведениях», в котором различным обществам, городам, сословным организациям, земствам и частным лицам было разрешено учреждать коммерческие школы разного типа, исходя из местных условий и потребностей торговли и промышленности данного региона. Главное внимание обращалось на развитие начального коммерческого образования, практически отсутствовавшего в России в это время. В разных городах по инициативе и на средства довольно многочисленных обществ коммерческих знаний появляются коммерческие курсы, торговые вечерние классы, которые являлись внешкольной формой коммерческого образования. В них на платной основе могли обучаться лица всех возрастов, но не моложе 12 лет, работающие в торгово-промышленных заведениях¹⁵.

В последующие годы система профессионально-технических школ постепенно усложнялась, были созданы новые, более упрощенные и «дешевые» типы учебных заведений: в 1893 г. было издано «Положение о школах ремесленных учеников», в 1895 г. — «Положение о низших ремесленных школах», в 1902 г. — «Закон о ремесленных и технических учебных мастерских и курсах». В 1903–1907 гг. были законодательно оформлены ремесленные и профессиональные отделения при общеобразовательных школах. Введение в жизнь указанных документов способствовало объединению ранее разрозненных профессиональных учебных заведений в определенную систему, подразделило их по группам согласно целям, задачам и содержанию образования. Но «Основные положения о промышленных училищах» и другие упомянутые выше документы не получили своего полного осуществления: новые учебные заведения открывались медленно, главным образом в центре страны, а среди вновь открытых преобладали различные виды низшей профессиональной школы. Кроме учебных заведений, открытых на основе вышеперечисленных документов, продолжали существовать и открывались вновь школы и училища технического образования, работающие на основе индивидуальных уставов¹⁶. Поэтому необходимость дальнейшего совершенствования профессионально-технического образования в России была ясна прежде всего правительственным кругам, тесно связанным с промышленностью.

¹⁵ Кошман Л.В. Указ. соч.

¹⁶ Веселов А.Н. Профессионально-техническое образование в СССР: Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования. М.: Профтехиздат, 1961. С. 16–18.

Неудачи в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и особенно в Первой мировой войне 1914–1917 гг. со всей очевидностью доказали, что промышленное развитие России резко отстает от мирового уровня и ликвидировать отставание, добиться промышленного прогресса невозможно без наличия отечественных специалистов, подготовленных в профессионально-технических школах и училищах. Почти одновременно, в 1915–1916 гг., в Государственную думу были направлены три проекта реформ профессионально-технического образования в России, разработанные Министерством народного просвещения, торговли, промышленности и путей сообщения. Особое значение имел проект реформы профессионально-технического образования, разработанный Министерством народного просвещения, в ведении которого находилось подавляющее большинство уже работавших в России средних и низших технических учебных заведений. Этот проект в июле 1915 г. был согласован с общими проектами реформ общеобразовательной школы в России. Одобренный Государственной думой «Проект законоположения о профессиональном образовании в империи» был представлен в Совет Министров. Проект предполагал реформировать разнотипные низшие и средние профессионально-технические учебные заведения, уже существовавшие в России, в единую систему, состоявшую из трех основных типов школ: технические училища на базе высших начальных училищ, готовящие техников; ремесленные училища для окончивших двухклассные сельские училища, выпускающие мастеров и высококвалифицированных рабочих; ремесленные школы на основе начального училища по подготовке квалифицированных рабочих. В Проект Министерства народного просвещения была включена также широкая организация в России профессиональных классов и курсов, как самостоятельных существующих, так и создаваемых при общеобразовательных и специальных учебных заведениях. Предполагалось значительно упростить процедуру открытия профессиональных учебных заведений, предоставить больше инициативы частным лицам и общественным организациям в этом деле, а также более четко согласовать систему профессионального образования с системой общеобразовательных школ.

Для согласования работы по руководству техническими школами в стране и для координации усилий различных ведомств по расширению профессионального образования 23 февраля 1916 г. был утвержден Всероссийский совет по делам профессионального образования под председатель-

ством министра народного просвещения П.Н. Игнатъева, в состав которого входили представители от различных министерств, земств, городских самоуправлений. Однако проект реформы технического образования так же, как и план, одобренный Всероссийским советом по делам профессионального образования, который собирался всего один раз, и проект реформы низшего профессионального образования не были осуществлены¹⁷.

В феврале 1917 г. к власти пришло Временное правительство, деятельность которого в области профессионального образования принципиально не отличалась от политики самодержавия. Оно оставило почти без изменения систему профессиональных школ и училищ, сохранило в неприкосновенности содержание преподавания и воспитания в этих учебных заведениях, весь аппарат по управлению профессиональным образованием¹⁸.

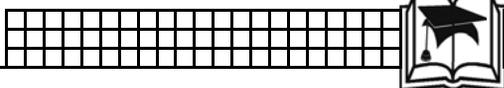
В целом во второй половине XIX — начале XX в. можно отметить ряд позитивных моментов в развитии правового регулирования в области образования. Во-первых, в пореформенный период была сформирована правовая база образования, отвечающая потребностям времени, охватывающая все его уровни¹⁹. Во-вторых, в рассматриваемый период правящие круги осознавали необходимость реформирования и приведения в систему профессионального образования. Определенные шаги в этом направлении были предприняты, так как уже к началу XX в. по всей стране произошло относительно резкое увеличение количества средних профессиональных учебных заведений. Вместе с тем наиболее быстрыми темпами в рассматриваемый период развивалось начальное образование, профессиональное образование отходило на второй план. Высшее образование развивалось гораздо медленнее, чем того требовало время, в связи с тем, что высшая школа была у правительства на подозрении как очаг неистребимой «крамолы»²⁰. Поэтому можно сказать, что проведенные преобразования были явно недостаточными и не соответствовали растущим общественным потребностям в квалифицированных специалистах.

¹⁷ Там же. С. 20.

¹⁸ Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. С. 69.

¹⁹ Гриневиц И.М. Организационно-правовое регулирование отечественного образования в XIX — начале XX столетия : дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2011. 188 с.

²⁰ История России: С начала XVIII до конца XIX в. С. 449.

Литература

1. Васильев К.И. Очерки по истории высшего педагогического образования в РСФСР (1918–1932) / К.И. Васильев. Воронеж : Центрально-Черноземное кн. изд-во, 1966. 296 с.
2. Веселов А.Н. Профессионально-техническое образование в СССР: Очерки по истории среднего и низшего профтехобразования / А.Н. Веселов. М. : Профтехиздат, 1961. 635 с.
3. Вышнеградский И.А. Проект общего нормального плана промышленного образования в России / И.А. Вышнеградский. СПб. : Тип. Ф. Елонского, 1884. 236 с.
4. Гриневич И.М. Организационно-правовое регулирование отечественного образования в XIX — начале XX столетия : дис. ... канд. пед. наук / И.М. Гриневич. Ставрополь, 2011. 188 с.
5. Пругавин А.С. Законы и справочные сведения по народному образованию / А.С. Пругавин. СПб. : Общественная польза, 1904. 785 с.
6. История России: С начала XVIII до конца XIX в. / А.Н. Сахаров, Л.В. Милов и др. ; отв. ред. А.Н. Сахаров. М. : АСТ, 2001. 554 с.
7. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты / Л.В. Кошман. М. : РОССПЭН, 2008. 447 с.
8. Кузьмин Н.Н. Учительские институты в России / Н.Н. Кузьмин. Челябинск : Челябинский пединститут, 1975. 41 с.
9. Очерки истории профессионально-технического образования в СССР / под ред. С.Я. Батышева. М. : Педагогика, 1981. 352 с.
10. Шубович В.Г. «Положение о промышленных училищах» 1888 года как фактор формирования системы специального образования в России в XIX — начале XX вв. / В.Г. Шубович // Симбирский научный вестник. 2012. № 4 (10). С. 96–98.
11. Шубович В.Г. Историкографические аспекты становления и развития системы профессионального образования в России на рубеже XIX–XX вв. / В.Г. Шубович // Поволжский педагогический поиск. 2012. № 2 (2). С. 114–117.

References

1. Vasilyev K.I. Ocherki po istorii vy'sshego pedagogicheskogo obrazovaniya v RSFSR (1918–1932) [Sketches of the History of Higher Pedagogical Education in RSFSR (1918 to 1932)] / K.I. Vasilyev. Voronezh : Tsentralno-Chernozemnoe kn. izd-vo — Voronezh : Central and Black Earth Book Publishing House, 1966. 296 s.
2. Veselov A.N. Professionalno-tekhnicheskoe obrazovanie v SSSR: Ocherki po istorii srednego i nizshego proftekhobrazovaniya [Vocational-Oriented Education in the USSR: Sketches of the History of Secondary and Primary Vocational-Oriented Education] / A.N. Veselov. Moskva : Proftekhizdat — Moscow : Vocational-Oriented Publishing House, 1961. 635 s.
3. Vyshnegradskiy I.A. Proekt obshchego normalnogo plana promyshlennogo obrazovaniya v Rossii [A Project of a Universal Standard Plan of Industrial Education in Russia] / I.A. Vyshnegradskiy. Sankt-Peterburg : Tip. F. Elonskogo — Saint Petersburg : F. Elonskiy's printing office, 1884. 236 s.
4. Grinevich I.M. Organizatsionno-pravovoe regulirovanie otechestvennogo obrazovaniya v XIX — nachale XX stoletiya : dis. ... kand. ped. nauk [Organizational and Legal Regulation of National Education in the XIX to the Early XX Century : thesis of ... Candidate of Pedagogical Sciences] / I.M. Grinevich. Stavropol — Stavropol, 2011. 188 s.
5. Prugavin A.S. Zakony i spravochny'e svedeniya po narodnomu obrazovaniyu [Laws and Reference Data on Popular Education] / A.S. Prugavin. Sankt-Peterburg : Obschestvennaya polza — Saint Petersburg : Common Good, 1904. 785 s.
6. Istoriya Rossii: S nachala XVIII do kontsa XIX v. ; otv. red. A.N. Sakharov [The Russian History: From the Early XVIII to the Late XIX Century ; publishing editor A.N. Sakharov] / A.N. Sakharov, L.V. Milov i dr. Moskva : AST — Moscow : AST, 2001. 554 s.
7. Koshman L.V. Gorod i gorodskaya zhizn v Rossii XIX stoletiya: Sotsialny'e i kulturny'e aspekty' [The City and the Urban Life in Russia in the XIX Century: Social and Cultural Aspects] / L.V. Koshman. Moskva : ROSSPEN — Moscow : Russian Political Encyclopedia publishing house, 2008. 447 s.
8. Kuzmin N.N. Uchitel'skie instituty' v Rossii [Teacher Institutions in Russia] / N.N. Kuzmin. Chelyabinsk : Chelyabinskii pedinstitut — Chelyabinsk : Chelyabinsk State Pedagogical University, 1975. 41 s.
9. Ocherki istorii professionalno-tekhnicheskogo obrazovaniya v SSSR ; pod red. S.Ya. Batisheva [Sketches of the History of Vocational-Oriented Education in the USSR ; edited by S.Ya. Batishev]. Moskva : Pedagogika — Moscow : Pedagogics, 1981. 352 s.
10. Shubovich V.G. «Polozhenie o promyshlenny'kh uchilishchakh» 1888 goda kak faktor formirovaniya sistema spetsialnogo obrazovaniya v Rossii v XIX — nachale XX w. [The Regulation on Industrial Schools of 1888 as a Factor of Establishment of a System of Special Education in Russia in the XIX to the Early XX Century] / V.G. Shubovich // Simbirskiy nauchny'y vestnik — Siberian Scientific Bulletin. 2012. № 4 (10). S. 96–98.
11. Shubovich V.G. Istoriograficheskie aspekty' stanovleniya i razvitiya sistema professionalnogo obrazovaniya v Rossii na rubezhe XIX–XX w. [Historiographic Aspects of Establishment and Development of a System of Professional Education in Russia at the Turn of the XX Century] / V.G. Shubovich // Povolzhskiy pedagogicheskiy poisk — Volga Pedagogical Search. 2012. № 2 (2). S. 114–117.

Читайте в следующем выпуске журнала
интервью с почетным научным редактором журнала
Игорем Михайловичем Мацкевичем.
Тема интервью: «Будущее профессора в России».

Требования к авторам журнала «Юридическое образование и наука» по оформлению научных статей

Аннотация — от 1300 до 2000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель;
2. Методология;
3. Выводы;
4. Научная и практическая значимость;
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания — не более двух слов).

Автор переводит название статьи и аннотацию на английский язык самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

На английский язык автор также переводит свою фамилию, имя и должность.

Статья

Полностью ФИО автора, указать должность, ученую степень и звание, электронную почту — обязательно.

Не менее 10 страниц через 1,5 интервала (без учета аннотации), не более 20 страниц.

27 000–37 000 знаков с аннотацией, не более 20 страниц.

Не менее 3 ссылок, не более 9, исходя из текста статьи в 10 страниц. (Если статья больше 10 страниц, количество ссылок может быть увеличено).

Ссылки и Список литературы располагаются в конце статьи и включают только монографии, научные статьи.

В ссылках и списке литературы не указывать учебники и газетные публикации.

Важно: оформление постраничных сносок — смотри ниже.

Ссылки и Список литературы даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации — только в постраничные сноски.

ВАЖНО. Если статья является продолжением другой статьи автора по той же проблематике, автор обязан указать об этом в самом начале работы с приведением выходным данным об уже опубликованных статьях, в том числе в каких журналах и сборниках они выходили, а также насколько представленная статья является оригинальной по сравнению с предыдущими статьями.

НАПРИМЕР. Статья посвящена проблеме, которую автор изучает на протяжении ряда лет, и по этой проблеме автором опубликованы статьи, которые вышли в следующих журналах.

С пожеланиями творческого долголетия,

*главный редактор журнала «Юридическое образование и наука»
Юлия Константиновна Цареградская*

